

псевдоним "Эльза"

Виктория Дьякова

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Виктория Дьякова

Псевдоним «Эльза»

«ВЕЧЕ»

2016

Дьякова В. Б.

Псевдоним «Эльза» / В. Б. Дьякова — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Секретный фарватер (Вече))

ISBN 978-5-4484-7329-6

1939 год. Мир на грани новой войны. Спецслужбы СССР и Третьего рейха ведут жестокую игру друг против друга, несмотря на пакт Молотова – Риббентропа. Две русские женщины, дворянки, бывшие подруги, ныне оказались в разных политических лагерях. Одна – всецело на стороне белой эмиграции и активно сотрудничает с нацистами. Другая – советская разведчица. Их новая встреча изменит многое, и не только в их собственных судьбах, ведь начинается трагическая и бессмысленная Зимняя война, которая для многих представителей белой эмиграции стала символичной – последний уцелевший осколок царской России противостоит России большевистской.

ISBN 978-5-4484-7329-6

© Дьякова В. Б., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Виктория Дьякова

Псевдоним «Эльза»

© Дьякова В.Б., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Розовый лучик солнца пробился через залепленное морозным узором стекло, упал бледной полоской на стёртый дощатый пол, добрался до каминной полки, осветив фотографический портрет молодого военного в белой папаше и бурке, а затем переполз на постель и уколол в глаза.

Маша поморщилась – просыпаться не хотелось. Завернувшись в приспособленный под одеяло тулуп, подбитый шкурой волка, повернулась на бок, уткнулась лицом в подушку. От дыхания в комнате шёл пар. Всё, что натопила на ночь, – выморозило. От перемены позы заболело бедро. Она снова легла на спину. Повернула голову. Открыла глаза. Точнее один глаз, левый. Правый, задетый пулей, часто опухал за ночь и открывался плохо. Она взглянула на портрет.

Вспомнился ослепительный свет, ворох летящих под звуки вальса кружев, сверкание драгоценностей, блеск золотых погон и орденов на парадных мундирах – рождественский бал в доме Энгельгардтов в Петербурге, давно ушедшая жизнь, которой, казалось теперь, и не было вовсе. Никогда не было.

Маша помнила, как Гриц, наклонившись к ней, шептал ей на ухо: «Давай убежим отсюда, поедem к цыганам. Твоя тётушка просто ест меня глазами. Она меня превратит в дым, это точно. Наверное, ей рассказали, что ты провела ночь у нас на Фонтанке». Маше будто слышался её собственный тогдашний смех, счастливый, беззаботный.

Рождественский бал шестнадцатого года. Ничто не предвещало беды, а через два года, в восемнадцатом, в такой же декабрьский вечер накануне Рождества, но только не в Петербурге, а в Париже, Маша получила от Грица письмо с извещением о расторжении помолвки. И в тот же вечер выстрелила в себя из трофейного турецкого пистолета, добытого её дедом – генералом – у какого-то стамбульского паши. От стыда, от муки, от ужаса. Но не убила себя. Персидская кошка Краля, прыгнув со шкафа, толкнула руку с пистолетом; пуля прошла правую часть лица и раздробила челюсть. Маша осталась жива, но предпочла, чтобы все, кто знал её прежде – и в первую очередь он, князь Григорий Белозёрский, – считали её погибшей. Её доверенное лицо и единственная помощница, двоюродная сестра княжна Зина Шаховская, уредила всех в том, что Маши больше нет, а сама каждый день ухаживала за ней во французском госпитале, где раненая лежала под вымышленным именем.

Зине поверили – даже великая княгиня Мария Павловна, давняя покровительница, – и никто даже не поинтересовался, когда похороны. Никто не захотел проститься.

Не до того было – обрушилась империя, обрушилась вся прежняя жизнь, началась братоубийственная война – похороны были едва ли не в каждом благородном доме. Давний друг и поклонник барон Карл Густав Маннергейм помог Зине перевезти сестру в Финляндию, где в Коувале, недалеко от крепости Утти, на берегу озера у Шаховских находилось последнее из сохранившихся после революции имений. Сначала Зина отказывалась от помощи блестящего барона, она не хотела посвящать его в тайну. Но одному ему ведомыми путями Маннергейм узнал, что в захолустном пансионе в предместье Сен-Жермен, содержащемся на средства прин-

цессы Мюрат, одной из наследниц знаменитого наполеоновского маршала, в скудных и бедных условиях, практически в нищете находится княжна Мария Шаховская – одна из немногих бывших знатных петербургских дам, от которой известный донжуан получил отказ. Она предпочла ему князя Белозёрского – и проиграла.

Маннергейм часами простаивал под окнами пансиона, и в конце концов Зина сдалась. Маша не упрекала её – Зина была одна, она была в отчаянии. Состояние сестры ухудшалось, княжна не получала достойной медицинской помощи – врач приходил всего раз в неделю и не очень-то интересовался пациенткой. Возможно, просто не знал, что делать. Барон Маннергейм сразу же решил везти Машу к себе на родину. Он рассчитывал на свои связи со шведами, и действительно шведский хирург сделал в Хельсинки операцию, после которой княжна пошла на поправку, во всяком случае, опасения за её жизнь исчезли. Челюсть восстановили из взятой из бедра кости, речь вернулась, но появилась хромота и сильные боли в ноге. Операцию оплатил Маннергейм, взял в долг у шведской родни. Зина хотела продать фамильные драгоценности, княжескую диадему и ожерелье из сапфиров, которые Маша взяла с собой из Петербурга в свой последний приезд в столицу, но барон не позволил ей. Все расходы взял на себя. Он же сообщил Зине о гибели бывшего жениха Маши князя Григория Белозёрского в бою под Царицыном в 1919 году. Ему написал один из старых гвардейских приятелей, служивших у Деникина.

Зина плакала, она не знала как сказать Маше, которая была ещё слаба. Как сказать о смерти Григория, а особенно о том, что незадолго до гибели он всё-таки обвенчался с той, другой, «капитанской дочкой» Катенькой Опалевой, ради которой, собственно, и расторг помолвку с Машей. И как Белозёрский мог жениться на этой Опалевой – девице без роду, без племени! Они были из таких разных кругов, что даже казалось странным, как судьба могла свести их вместе. Увы, Катенька являлась воспитанницей матери Григория, княгини Алины Николаевны. И из-за этого вся жизнь Маши оказалась разбита.

Зина мучилась сомнениями – но Маша догадалась сама. И о венчании, и о смерти. И на удивление сестры восприняла сообщение спокойно. Как будто знала. В беспамятстве она видела, как Гриц падает с коня, и всё вокруг залито кровью. Она знала, что ему не выжить. Да и какой смысл? Что будет он делать в Париже? Блестящий князь Империи, канувшей в небытие? Волочиться за богатыми француженками, в надежде, что его возьмут на содержание? Служить таксистом, швейцаром в отеле? Бог миловал его, а вот её – нет. Ей остались долгие, одинокие дни в имении на берегу озера – единственном, которое уцелело. На небольшую пенсию от финского государства, выделенную при содействии всё того же Маннергейма. И только портрет князя Белозёрского на каминной полке в драгоценной раме, украшенной сапфирами, теперь напоминал об исчезнувшей Империи, о разбитых надеждах и мечтах, о прошлой жизни, кажущейся сном.

Рядом на ковре завозилась овчарка Магда – верная спутница Маши все эти годы. Преодолевая боль, Шаховская наклонилась, почесала собаку между ушами. Она нашла Магду щенком на соседнем хуторе, сожженном красными во время Гражданской войны. Собака обгорела, ей повредило лапу. Как и теперешняя её хозяйка, овчарка слегка хромала. Маша вылечила её, и всё это время они вместе – бывшая княжна Мария Николаевна Шаховская, овчарка Магда и долгожительница кошка Краля.

Княжна Зина, после того как Маша пошла на поправку, вернулась в Париж, но иногда навещала её в Финляндии и пересылала ей рассказы и романы своего давнего друга ещё по Петербургу, писателя Набокова, тоже эмигранта, к которому явно была равнодушна. Маша с радостью читала всё присланное, и это составляло едва ли не единственную её связь с Россией. Не с той, новой, красной, большевистской Россией, а с той, которая всё ещё жила в памяти, страной детства, юности, страной, которой князья Шаховские служили более четырехсот лет.

А потом прежняя Россия исчезла. Как будто её и не было вовсе. И все Шаховские стали ей совершенно чужими. Все стали не нужны.

Старший в их роду, князь Борис Борисович Шаховской, отец Зины, красавец, гурман, меценат, высокопоставленный офицер царской разведки, был схвачен чекистами в Варшаве в 1921 году. И расстрелян. Он был привязан к Маше, но о том, что она выжила, не знал. Зина так и не сообщила ему. В письме писать не хотела, надеялась рассказать при личной встрече. Но встреча так и не состоялась. Зина рыдала украдкой, стараясь не отягощать страдания Маши, но та сама догадалась.

Всё, что досталось в наследство от отца, Зина честно поделила с двоюродной сестрой, отдав половину. «Я уверена, отец именно так и сделал бы», – уверяла она Машу, когда та отказывалась. Так жизнь материально стала легче. От адъютанта Бориса Борисовича, чудом вырвавшегося из Польши и навестившего Зину в Париже, она узнала, что выдала князя Шаховского чекистам некая Екатерина Белозёрская, личный агент Дзержинского, а девичья фамилия этой особы, как удалось выяснить – Опалева. Катенька Опалева.

Та самая «капитанская дочка», на которой женился Гриша! Она выдала чекистской разведке друга и наставника своего мужа. В молодые годы вместе с Борей Шаховским гвардейский корнет Гриша Белозёрский снимал квартиру на Галерной рядом с Мариинским театром, подальше от маменьки Алины Николаевны. Туда скопом свозили балерин после спектакля и цыганок из гвардейского клуба по соседству. Весёлая гульба шла всю ночь.

Как Опалева смогла? Как смотрела в лицо Бориса Борисовича, ведь они наверняка встретились перед тем, как он был убит. Но «черни неизвестно слово честь», как сказала Зина, а провинциальную дворянку Опалеву обе они, петербургские принцессы, считали «черню». И потребовалось, чтобы рухнули все устои, все основы, просто рухнул мир, чтобы «чернь» вдруг стала знатной дамой, пусть и на короткое время.

Отвлечшись от тягостных воспоминаний, Маша приподнялась на локте, спустила ноги с кровати, сразу сунув их в тёплые меховые унты. Кошка Краля вскочила на постель и уселась на коленях, мурлыкая. Маша ласково обняла её. «Спасительница. Значит, так надо было», – подумала она.

«Так надо было». Вчера она услышала эту фразу из уст Густава, когда в десятый, сотый раз упрекала его за то, что увез её из Франции в Швецию, «не дал умереть», как Маша хотела.

– Так надо было, Мари, – взяв её руку, он прижал её к груди. – Я не мог поступить иначе. Боль пройдёт.

– Она не проходит, Густав, – Маша отвернувшись, смахнула слезы со щеки. – Я инвалид, я плохо говорю, я плохо хожу, я плохо вижу. Как мне жить? Зачем мне жить? Мне надо было утопиться в проруби, ещё там, на Урале, когда я поняла, что Гриц больше не испытывает ко мне прежних чувств, когда узнала о гибели государя, государыни, наследника, о смерти княгини Алины Николаевны. Зачем он спас меня? Зачем уговаривал ещё подождать? Чего же я дождалась?

Шаховская в отчаянии вырвала руку и отошла к окну: каждый шаг давался с усилием, она морщилась, с трудом сдерживая стон. Барон Маннергейм молчал. И Маша молчала тоже. Она вдруг вспомнила, как впервые встретилась с ним в гостиной Зинино папы Бориса Борисовича, куда гвардейский поручик-кавалергард Густав Карлович Маннергейм, – он предпочитал, чтобы его так называли, – приехал, чтобы увидеть балерину Гельцер, за которой он тогда ухаживал. Борис Борисович, будучи меценатом, собирал в своём доме множество деятелей искусства, так было и в тот день. Гельцер должна была приехать, поэтому Маннергейм напросился в гости.

Маша с Зиной музицировали на белом рояле в Розовой гостиной, украшенной цветами, и шёпотом обсуждали гостей, смеялись, когда Густав появился в дверях.

Шаховская как будто воочию увидела всё это сейчас, спустя почти тридцать лет. Он – статный, двухметрового роста викинг с голубыми глазами, в парадном кавалергардском мундире, она – тонкая девушка в бледно-зелёном платье из брюссельских кружев, с дерзкой рыжей копной волос и смелым взглядом янтарно-золотых глаз. Маша и Густав сразу увидели друг друга, а затем несколько мгновений смотрели друг на друга, не отрывая взора. Она танцевала с Гусавом мазурку, а утром проснулась в цветах, которые он ей прислал. Букеты белых роз занимали все пространство спальни перед её кроватью. «Ай-ай, Маша, проказница, – погрозил ей за завтраком пальцем князь Борис Борисович, – я погляжу, ты покорила сердце нашего донжуана. Имей в виду, у него очень длинный список побед такого рода, – предупредил он. – Держись». «И это всё он прислал тебе? О, боже!» – ахала Зина, прохаживаясь между букетами, как в саду.

Маша была рада. И сердце её откликнулось. Но он был женат на дочери генерала Арапова – ради состояния, как уверял. Машу же ради того же состояния, в уплату за долги, Шаховские предназначали в жёны князю Григорию Белозёрскому, и соглашение было заключено, как только та появилась на свет. Они оба были несвободны. Густав обещал подать прошение о разводе с Анастасией, но Маша... Она совсем не хотела расставаться с Грицем. И как оказалось – страшно ошиблась. Впрочем, и Гриц ошибся тоже. Она была уверена в этом. Потому и погиб – он сбился со своего пути.

– Я уверен, Мария Николаевна, что Григорий Александрович вас любил, – Маннергейм тоже подошёл к окну. – И умер с вашим именем на устах. Это смута, Маша, – он с нежностью взял её за руку. – Смута в стране, смута в головах, смута в чувствах. Промысел дьявола, и ничего другого. Так было угодно свыше, чтобы ты осталась жива. Чтобы мы остались, ты и я. Он ушёл. Анастасия, моя жена, умерла в Париже. Теперь мы оба свободны. Нам ничто и никто не мешает. Что же касается болезни, – он притянул её к себе, обняв за плечи. – Я понимаю твои переживания. На днях я отправляюсь в Германию. Геринг, бывший летчик кайзеровской авиации, теперь второе лицо в правящей в Германии партии. Его первая жена Карин, шведская аристократка, была нашей родственницей, я познакомился с ним в Стокгольме. К сожалению, Карин умерла. Сказалась старая болезнь. И сейчас Геринг отстроил поместье, назвав его в честь неё Каринхалле. Он собирается устроить там мавзолей Карин, торжественно перезахоронить её. Я получил от него приглашение присутствовать на этом мероприятии.

– Ты согласился? – Маша повернулась, взглянув ему в лицо. – Но эта партия Адольфа Гитлера, в которой, как ты говоришь, Геринг второе лицо – они же социалисты, в чем-то родня большевикам. К тому же они провозгласили главенствующей идею национального превосходства.

– Имея под боком такого врага, как Сталин, мы не можем оставаться без союзников, Мари, – возразил Маннергейм, – мы вынуждены искать дружбы сильных мира сего, чтобы сохранить свое государство. Финляндия – единственный осколок бывшей царской империи, который выиграл у красных Гражданскую войну. Но они ни в коем случае не отказались от планов захватить нас. Нас ждут большие испытания. Одним нам не выстоять, надо искать опору, надо искать друзей. Я написал Герингу о своей личной проблеме, – Маннергейм подошёл к камину и, упершись носком сапога в каминную решетку, смотрел на огонь. – О том, что очень близкий мне человек тяжело болен. Геринг обещал помочь. У них сейчас прекрасная медицина. Возможно, немцы справятся с тем, с чем не справились шведы, – он взглянул на Машу, она закрыла лицо руками.

– Я не сплю ночами, думая, что не могу дать тебе того, что хотела бы, что не могу быть женщиной для тебя, не могу быть любовницей, – прошептала она отчаянно, – каждое движение причиняет мне боль. Я инвалид. И это безнадежно. Я не захотела, когда могла, а теперь, теперь – всё кончено. Мне говорят, что эта шведская графиня, которая живёт с тобой в Хельсинки, она заняла моё место, и...

– Она самая обыкновенная проститутка, Мари, – Маннергейм подошёл и снова обнял её, глядя по рыжим волосам, – она продаёт свою любовь за деньги, но между нами нет никаких чувств. Не повторяй всего того, что я годами слышал от Анастасии, прошу тебя. Я уверен, немцы помогут, у них есть врачи. Ты станешь прежней. А я... Я и так счастлив, что все преграды между нами рухнули, эту последнюю преграду мы сломаем, Мари, это в наших силах. Ты веришь мне?

– Да, Густав, – она подняла заплаканные глаза. – Верю.

Хотя сама едва смела надеяться.

Этот разговор был вчера, а сегодня утром Маша, вспоминая это, посмотрела на потухший камин и поёжилась от холода.

За замороженным оконцем послышался скрип снега под полозьями саней, фыркание лошади. Магда вскочила, настороженно вытянула морду, прислушиваясь.

– Молоко! Сыр! – прокричал бодрый мужской голос по-фински. – Фру Мария, вы проснулись?

– Да, да, Оле, я сейчас... – пробормотала Маша тоже по-фински.

Оле Паркос, фермер с соседнего хутора, как всегда спозаранок, привез продукты. По происхождению он был швед, его предки остались в Коувале ещё с тех пор, как эта земля входила в Шведское королевство. Оле привозил продукты, дрова, чинил дом летом, следил за печкой. Его жена Марта стирала белье, приезжала убрать дом.

– Доброе утро, Оле! – добравшись до окна, Маша приоткрыла створку.

– Тут моя старуха прислала вам еды, фру, – высокий, худощавый швед слез с саней, взял большую корзину, покрытую куском плотной ткани, – а вот ещё белье постиранное. Сейчас поднимусь, принесу, – добавил он, привязывая лошадь к сараю. – Печь помогу растопить, да и дров нанашу. Подождите, фру.

– Спасибо, Оле, поднимайтесь. Магда, открой, – приказала Маша собаке.

Овчарка сбегала по лестнице вниз, потянув зубами за веревку, привязанную к засову, отодвинула его. Дверь скрипнула, открываясь. Собака уселась на пороге, дожидаясь гостя.

– Привет, зверь!

Оле вошел в дом и потрепал Магду между ушами. Она едва заметно махнула хвостом.

– У вас ведь нет радио, фру Мария? – спросил он, поднимаясь по лестнице на второй этаж, ступени заскрипели под ногами. – Да, наморозило за ночь, – он покачал головой, – но ничего, сейчас натоплю.

– Радио нет, – подтвердила Маша. – А что, что-то важное произошло? – спросила она с тревогой, взяв из рук шведа холщовый мешок с бельем.

– Да пока-то не произошло, – ответил Оле, поставив на стол корзину с едой. – Но вот-вот грянет. Чует моё сердце. Не дадут эти русские нам жить спокойно. То есть большевики, – он быстро поправился, взглянув на Машу виновато. – Всё время забываю, фру, что вы и сама-то из них будете. Из русских то есть.

– Ничего страшного, Оле, – успокоила его Маша, – я понимаю, кого вы имеете в виду. Сталина и его приспешников?

– Да, да, этих коммуняг, будь они неладны, – Оле взял охапку дров в углу и присел перед печкой. – Вы хлеб-то, хлеб ешьте, фру. Ещё теплый должен быть. Марта только из печки вытащила каравай, я хорошенько их завернул в тряпку, чтоб не остыли. А для собаки и кошки там косточки и мясные шкурки. Марта их отдельно собирает. Крупа опять же, кашу сварите.

– Спасибо, Оле, я так признательна. Так что сообщили по радио? – спросила Маша, разбирая корзину. – Скоро война?

– На то похоже, – кивнул швед. – Сталин ихний, видите ли, географическим положением Петербурга очень обеспокоился, или как они его сейчас называют, в честь вождя своего...

– Ленинград.

– Вот-вот. Мол близко, говорит, располагается город от границы. И хитро так выразился, – Оле поднял палец. – Мы, говорит, не властны над географией. И город передвинуть мы не можем. А вот финны свою границу вполне могут отодвинуть. Отдать им земли вплоть до Виипури, или Выборга, как они его называют. Хотят оттяпать кусок нашей территории. А ещё им острова понадобились, Гогланд, Лаавансаари и ещё какие-то. Они, мол, там базы военноморские устроят от нападения Германии, говорят. А чего им германцев бояться, если они с ними в августе пакт о ненападении заключили? Сколько шуму-то было. Отговорки всё это, просто пользуются моментом, что немцы в Польше заняты. Сами-то они тоже туда влезли, хоть и обещали полякам, что нападать не станут. Обманули. Всё мало им. Видать много силушки накопили, руки чешутся применить. Наши, как я понимаю, решили не уступать. На Прибалтику смотрят, те палец только дали этим большевикам, а они войска к ним уже эшелонами завозят, что ж они надеются, они обратно уйдут? – Оле криво усмехнулся. – Как бы не так. Всю эту Прибалтику откусят, а ни немцы, ни англичане даже и не пикнут. Кому охота с ними связываться? Ну вот, огонёк занялся, сейчас дровишек подбросим, – Оле сунул в печку несколько поленьев, – так вы до вечера следите, чтоб не потухло, тепло у вас будет, фру. Конец октября, а уж кажется, зима глубокая, снег выпал, мороз накинута.

– Спасибо, Оле, – Маша улыбнулась. – Деньги возьмите, где обычно. Сколько нужным считаете.

– Вы же знаете, фру, я лишнего не беру.

Распрямившись, швед открыл лакированную шкатулку рядом с портретом князя Белозёрского, взял несколько банкнот.

– Всё спросить хотел, старуха моя плешь проела мне от любопытства, это муж ваш, фру? Или брат? – он несколько смущённо кивнул на портрет Грица. – Видать, генерал, знатный мужчина?

– Муж, – ответила Маша грустно. – Генерал-лейтенант русской армии, командовал дивизией во время мировой войны. Давно погиб, – она вздохнула.

– Это ясно, – сунув деньги в карман, Оле запахнул тулуп. – То бы мыкались вы тут одна, коли он бы в живых был.

– Это правда, – согласилась Маша. Окажись Гриша жив, он не оставил бы её без помощи, даже женившись на другой. А может быть, и вернулся бы со временем. Она почему-то очень верила в это, хотела верить, несмотря на всю очевидность самообмана. Ведь только вчера сама говорила Маннергейму, что из-за своего увечья не является женщиной в полном смысле этого слова. Гриша просто не мог бы принадлежать ей. Поэтому и Густав не принадлежал.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, Маша спросила:

– А что, Оле, в Москве какие-то переговоры идут? Откуда о высказываниях Сталина известно?

– Да идут, – кивнул тот, нахлобучив оленью шапку. – Наша делегация туда поехала. Министр какой-то наш её возглавляет. Но толку они не добьются. Все говорят, война будет. Попрут на нас большевики своей силушкой. Но мы сдаваться не намерены, за землю свою постоим. Сынку моему младшему уже извещение пришло, чтоб готов был в любой момент явиться на пункт сбора. А так он в крепость Утти на тренировку ездит, там его стрелять учат, снайпера из него готовят. Это дело. Да и я хоть стар, тоже в ополчение пойду. Я ж ещё на мировой войне за царя русского воевал, к германцам не бегал, как некоторые, – он хмыкнул. – В Гражданскую гнал этих коммуняг, сколько мочи было, и теперь в стороне не останусь. Пусть попробуют. У меня тут дом, хозяйство, мои предки триста лет на этих землях жили, хлеб растили, скотину пасли, а они меня куда – в коммуну? Да не бывать этому. По радио ещё сообщили, что генерал Маннергейм в Германию поехал помощи просить, но, боюсь, откажут ему немцы. Зря они со Сталиным что ли договор подписывали? Отсидаются в стороне. И Черчилль этот английский – тот тоже всё про Гитлера дудит, мол, угроза главная там. А что ж они Ста-

лина не видят? Или слепые? Очухаются потом, поздно будет. Нахлебаются ещё. Даже мне старику понятно, а Черчиллю в его Англии хваленой – нет. Ладно, заболтался я, дома работы много, желаю здоровычка, фру, – Оле поклонился и направился к двери. – Если срочно что нужно будет, собачку пришлите, – он кивнул на Магду. – Я приеду или внука пришлю. Мы всегда помочь рады. Да и если за доктором в город съездить. Вы не стесняйтесь, фру, опять же – за лекарством. Только скажите.

– У меня пока ещё всё есть с прошлого раза, благодарю, – Маша с признательностью прижала руку к груди. – Даже не знаю, как бы жила без вашей помощи, без вас и без вашей супруги Марты.

– Да ладно, что там, всё ж люди мы, доброго дня вам, фру, – Оле застеснялся и, поправив шапку, начал спускаться по лестнице. Магда сбежала следом. Как только старик вышел, закрыла засов, потянув за веревку. Подтянувшись к окну, Маша смотрела, как он отвязывает лошадь, усаживается в сани.

– Пошла, пошла, милочка, – подняв воротник тулупа, Оле махнул Маше рукой и тряхнул поводьями. Лошадь, успевшая заскучать, пока её хозяин был в доме, бодро рванулась вперед. Заскрипел снег. Вскоре всё стихло.

Маша закрыла окно. Опираясь на руки, чтобы лишний раз не нагружать бедро, пересела в кресло, к которому Оле приделал колесики, чтобы она могла передвигаться по комнате, отталкиваясь руками.

– Вот и тепло у нас, – ласково сказала Шаховская подбежавшей собаке, – погреемся. И сейчас есть будем.

Она наклонилась, чтобы взять собачью миску. На полу увидела письмо – слетело с каминной полки от сквозняка.

Зина написала ей из Парижа. «Набоков увлечен этой Гуаданини, причём всерьез, я это чувствую, – перечитала она строки в середине письма. – Просто с ума схожу от ревности. Она же посредственность, пишет никуда не годные стихи, но смазлива. Вера с их сыном Митей сейчас у его матери в Чехии. Настаивает, чтобы он приехал. Вера тоже знает про Гуаданини, и в ярости, я уверена. Набокова наверняка ждёт большой скандал. Так и надо...»

Маша улыбнулась, положила письмо в журнал, присланный всё той же Зиной. Журнал издавался в Париже русской эмиграцией. Там часто публиковались рассказы Набокова. В сентябрьском номере журнала – рассказ «Адмиралтейская игла» и первые главы романа «Дар».

«Ты обратила внимание, он назвал героиню Зиной, – писала дальше в письме сестра. – Героиню зовут Зина Мерц. Ну, скажи, разве он обо мне не думает? Я для него ничего не значу?» «Ах, Зина, – Маша покачала головой. – Набоков – это просто её помешательство. Во всех его героинях она всегда умудряется найти черты, которые якобы её напоминают. Или ей хочется, чтобы напоминали».

Это восторженное отношение к таланту, готовность простить ему всё, восторгаться, Зина унаследовала от отца Бориса Борисовича, и желание во всём потакать, кстати, тоже. Набоков, конечно же, замечал это и ловко использовал её отношение себе на пользу.

Маша положила журнал на книжную полку. Кошка Краля, мяукнув, прыгнула хозяйке на колени.

– Ты напоминаешь, что ты тоже ещё не кушала? – Маша улыбнулась и погладила любимицу. – Чтобы я не забыла о тебе? Как же я о тебе забуду? Всё – завтракать. Магда, – позвала она собаку. – Иди. День начинается.

* * *

– Сегодня утром я имел беседу с рейхсфюрером. К нему обратился Геринг. Он говорил о вас, фру Ким.

Глава отдела Е (контрразведка) в IV управлении РСХА штурмбаннфюрер СС Вальтер Шелленберг сделал паузу. Маренн насторожилась. Как-никак рейхсминистр авиации – второе лицо в государстве.

– У рейхмаршала заболел кто-то из близких знакомых? – осторожно спросила она. – Насколько мне известно, сам он здоров.

– Можно сказать и так. Хотя нельзя скрыть и политическую составляющую.

Маренн удивилась ещё больше. Шелленберг встал из-за стола и, заложив руки за спину, прошелся по кабинету. За закрытыми решетками окнами ветер качал мокрые после дождя ветки сирени и рододендроны.

– Вы, вероятно, знаете, фрау Ким, – продолжил штурмбаннфюрер, – что в ближайший вторник наш рейхсминистр собирается устроить у себя в Каринхалле большой прием. Он пригласил лучших музыкантов, будет петь Эрн Бергер, это любимая певица и подруга его супруги Эмми. Отрывки из Вагнера, «Вольный стрелок» Вебера. Об угощениях не стоит и упоминать, всё, как любит Геринг, – чтобы всего много, – Шелленберг улыбнулся. – Дичь из его поместья в Роминтене в Восточной Пруссии, горы жареного картофеля и сосисок, лучшие итальянские вина из личной коллекции дуче. Повод – самый приятный. Геринг наконец-то отважился показать широкой публике свою дочь Эдду. Ей исполнился год.

– Да, я знаю, – кивнула Маренн. – Эмми предполагала сделать это ещё в июне, когда у девочки был день рождения, но рейхсминистр был очень занят польскими делами.

– Да, решили сейчас.

Шелленберг снова сел за стол. Чиркнув зажигалкой, закурил сигарету.

– По такому случаю даже фюрер обещал навестить его в Каринхалле, – продолжил он. – Всё-таки Эдда – его крестница.

– Но по какому же поводу Геринг обеспокоил рейхсфюрера? – Маренн пожала плечами. – Если дело касается здоровья девочки, то Эмми вполне может без всякого его участия обратиться прямо ко мне.

– Как я сказал, без политических мотивов не обошлось, – объяснил Шелленберг. – Геринг приурочил к торжеству ещё одно мероприятие. Он решил перезахоронить в Каринхалле прах своей первой жены Карин фон Канцов.

Маренн недоуменно приподняла брови.

– Эмми не возражает, – Шелленберг ответил на её невысказанный вопрос. – Она понимает, как много в жизни Германа связано с этой женщиной, как тяжело ему было её потерять. К тому же она достаточно умна, какой смысл ревновать к мёртвым? Геринг же использовал этот повод, чтобы совершенно открыто пригласить в Германию главу Совета обороны Финляндии генерала Маннергейма. Ведь Карин была его родственницей, и они частенько общались в прошлом. И хотя у Финляндии сейчас весьма напряженные отношения с Советами, вряд ли они смогут что-то возразить, частное дело, никакой политики, во всяком случае, на поверхности. Собственно, если говорить начистоту, ради этого Геринг всё и затеял, – Шелленберг сделал многозначительную паузу, – с согласия фюрера, естественно, и заручившись поддержкой рейхсфюрера. Прах Карин мог бы покоиться там, где он и сейчас покоится, но как провести переговоры с Маннергеймом, чтобы Советы не подняли вой, когда они уже на пороге войны с Финляндией? Мы после заключения пакта ничего не можем противопоставить их намерениям, во всяком случае официально. А переговоры очень нужны, Финляндия остро нуждается в поддержке, так что генерал Маннергейм будет иметь встречу не только с самим Герингом, но и с рейхсфюрером, и не исключая, с фюрером тоже.

– В чем же состоит моя скромная роль? – спросила Маренн.

– Она исключительно в пределах вашей компетенции, фрау Ким, – Шелленберг внимательно посмотрел на неё. – Но возможно и больше.

– Я слушаю.

– Дело в том, что Маннергейм – вдовец. Его жена русская аристократка Анастасия Арапова скончалась в Париже три года назад. Но расстались они давно, ещё до Русской революции. Жена ревновала Маннергейма, и не без повода, надо признать. Одной из его возлюбленных в Петербурге была княжна Мария Шаховская. После эмиграции из России сейчас она находится на территории Финляндии. Шведские медики сделали ей неудачную операцию, и состояние у неё незавидное. Сейчас она практически не способна передвигаться. Ни в Финляндии, ни в Швеции больше ей помочь не могут. Маннергейм обратился к Герингу на предмет таких возможностей в Германии. Ну а рейхсминистр, вспомнив о вас, сразу же связался с рейхсфюрером. Естественно, рейхсфюрер не отказал. И очень бы просил вас, фрау Ким, отнестись к просьбе генерала Маннергейма с должным участием, так как это позволило бы ещё укрепить наши связи.

– Ну, конечно, я сделаю всё, что могу, – ответила Маренн с готовностью. – А что за операция была у этой русской дамы?

– Геринг ничего не сказал рейхсфюреру, да того и не интересуют медицинские подробности. Вы знаете, рейхсфюрера никогда не заботят детали, он принимает общее политическое решение, а детали додумываем и выясняем мы. Я полагаю, – предположил Шелленберг серьёзно, – что Геринг и сам-то не в курсе, и Маннергейм всё объяснит вам с глазу на глаз. Скорее всего, вам придется отправиться в Хельсинки, фрау Ким. И уже на месте разбираться с ситуацией. Могу ли я сообщить рейхсфюреру, что вы готовы исполнить эту его просьбу?

– Да, конечно, я готова, – подтвердила Маренн решительно. – Если помочь этой женщине в моих силах, то я, конечно, сделаю всё, что смогу.

– Если бы при этом вы выполнили в Хельсинки ещё несколько поручений рейхсфюрера, попутно, – добавил Шелленберг неожиданно, – то он был бы вам очень признателен. Но об этом позже, – произнес штурмбаннфюрер быстро, поймав удивленный взгляд Маренн, и встал из-за стола, показывая, что разговор закончен.

* * *

– Мама, нас пригласили на прием в Каринхалле? В резиденцию рейхсминистра Геринга? – голос дочери, доносящийся из её комнаты со второго этажа, Маренн услышала, как только вернулась вечером домой в Грюнвальд. – Там на столе приглашение, – прокричала Джилл.

Она увидела в окно, как подъехала машина и как Маренн поднялась по лестнице на крыльцо, – Джилл была уверена, что мать её услышит.

– Я просто не знаю, что надеть! Агнесс, где моя красная накидка? Я никогда ничего не могу найти!

– Это неудивительно, – ответила Маренн, подходя к комнате дочери. – Я удивляюсь, как это удастся Агнесс. О, боже! Что это, Джилл?

Едва она открыла дверь, как тут же упёрлась в горку одежды, сложенной прямо на полу на пушистом розовом ковре.

– Что тут происходит, я не понимаю?

Она перешагнула через платья и юбки, а также несколько экземпляров кружевного нижнего белья и поняла, что спрашивать незачем – всё было совершенно ясно. Всё содержимое трёх зеркальных шкафов, в которых дочь хранила одежду, было развешано на стульях, креслах, лежало на кровати и прямо на полу.

– Агнесс, я так и не услышала, где моя накидка?

Джилл стояла посередине всего этого беспорядка в форменной юбке и рубашке с галстуком, серый китель с погонами висел на дверце ближайшего шкафа.

– Что ты тут устроила? – Маренн недовольно поморщилась. – Зачем тебе красная накидка?

– Зилке сказала, что у неё будет платье с красным воротником.

– А разве твоя подруга Зилке тоже ходит на приемы к рейхсминистру? – Маренн искренне удивилась. – С каких это пор? Или её существенно повысили в должности?

– Нет, что ты! Она недавно познакомилась с одним известным летчиком, я забыла, как его фамилия, но известная, – сообщила Джилл, встряхнув пышными каштановыми волосами, – сейчас встречается с ним. Так что их пригласили вместе.

– Но если только так, – Маренн наклонилась, поднимая с пола гипюровое платье на бретельках.

– Кстати, мама, там ещё пришло письмо от Штефана из Польши, – сообщила Джилл. – Плотное такое, наверное, внутри фотографии. Я ещё не смотрела.

– Я посмотрю, спасибо.

– Наконец-то он написал, а то он там совсем забыл о нас, приударяя за польскими пани, – пошутила Джилл.

– Вот нашла, вот накидка, фрейлейн, – горничная Агнесс протиснулась в комнату, держа в руках красную пелерину. Идеально белая кружевная накладка на тёмных гладко зачёсанных волосах Агнесс сбилась, передник помялся, сама же горничная покраснела.

– Уф, устала, – призналась она, поправляя косынку. – Нашла в том шкафу, что в гостиной.

– Но она же мягкая! – возмутилась Джилл. Она выхватила накидку из рук Агнесс и вертела, рассматривая.

– Я поглажу, – с готовностью предложила Агнесс.

– Обязательно погладьте, Агнесс, но надевать это на приём, я думаю, не стоит, – Маренн взяла накидку из рук дочери. – Красный цвет в данном случае слишком вызывающий. Это вещь не для государственных приемов. Ты ведь не тореадор и не на корриду собралась. Тем более что Зилке уже решила надеть нечто подобное. Ну пусть она одна там чувствует себя неловко, потому что её воротник будет привлекать внимание, как сигнальный флажок. Все оглядываться станут. Ты хочешь такого внимания? Зачем тебе присоединяться к ней?

– Но мне казалось, это красиво, мама, – возразила Джилл растерянно.

– Может быть, и красиво, – согласилась Маренн. – Но в совершенно других условиях, для частного праздника, например. Не на приеме в присутствии иностранных делегаций, где тебя, кстати, ещё могут попросить поработать, перевести что-то за столом. А ты будешь сидеть вот в этой красной накидке? В присутствии фюрера и дипломатического корпуса? Джилл, ты меня расстраиваешь, – Маренн поморщилась. – Наденешь чёрное шелковое платье в пол и жемчуг – достаточно. Строго и красиво.

– Но...

– Никаких возражений. Агнесс, я попрошу вас, – Маренн повернулась к горничной, – приготовьте фрейлейн к завтрашнему вечеру её наряд.

– Слушаюсь, фрау, – Агнесс присела в реверансе.

– А это, – Маренн передала накидку обратно Агнесс, – погладьте и положите в шкаф, до подходящей возможности.

– Слушаюсь, фрау.

– А сейчас всё уברי здесь, пожалуйста. Вместе с Агнесс, – Маренн обратилась к заметно приунывшей Джилл. – И спускайся в гостиную. Посмотрим, что прислал Штефан. Не грусти, – она ласково обняла дочь за плечи. – Если тебе так хочется надеть эту накидку, пригласи Зилке и её нового друга к нам на Рождество, если, конечно, их отношения продлятся так долго. В Рождество красный цвет не выглядит вызывающим и даже не наводит на мысли о большевиках, – пошутила она, поцеловав Джилл в висок.

Затем, перешагивая через вороха одежды, направилась к выходу.

- Я жду тебя внизу. Будем ужинать.
- Хорошо, мама, – Джилл кивнула, поправила волосы. – Наверное, ты права, я не подумала, – согласилась она.
- Вот и славно. Поторопись, – Маренн улыбнулась. – Я сама накрою на стол, Агнесс, – предупредила она на пороге горничную. – Вы пока не отвлекайтесь.
- Благодарю вас, фрау, – та снова поклонилась. – Я быстро.

* * *

Музыка смолкла, вспыхнул свет. Завершив арию Королевы ночи из «Волшебной флейты» Моцарта, белокурая Эрна Бергер в ослепительном концертном платье склонилась перед гостями. Зал разразился аплодисментами. Рейхсминистр Геринг в белом парадном мундире с голубой лентой через плечо подошёл к сцене, подав руку, помог певице спуститься. Затем подвел её к своей супруге Эмми Зоннеман, державшей на руках их годовалую дочку. Та, улыбаясь, благодарила Эрну. Два молодых офицера в мундирах люфтваффе поставили перед певицей огромную корзину роз. Эрна отступила на шаг, подозвав к себе дирижера, снова присела в глубоком реверансе. Шквал аплодисментов усилился.

– Мне кажется, она поёт так легко, как будто просто ведёт беседу, – Джилл проговорила это прямо в ухо Маренн, так как расслышать что-либо было трудно даже на близком расстоянии. – Как-то очень естественно, без всякого надрыва, ненужных аффектов. Помнишь, мы слушали «Волшебную флейту» в Дойче Штатсопер два месяца назад? Тогда певица очень старалась, но это было заметно и намного хуже. Кстати, ты была права, – добавила она, когда аплодисменты стали стихать и зрители вставали со своих мест, – здесь тепло, даже жарко, и в той накидке я бы здесь просто взмокла. Хорошо, что ты меня отговорила.

– Я же сказала, самое подходящее – отправиться в ней на пикник, – Маренн, улыбнувшись, взяла дочь за руку. – Сейчас, осенью, очень кстати. Это же хоть и искусственный, но всё-таки мех. Кто же сидит в концертном зале в шубе?

– Фрау Ким, фрейлейн Джилл, как вам понравилось выступление госпожи Бергер?

Вальтер Шелленберг в чёрном смокинге с атласным белым галстуком-бабочкой под накрахмаленным воротником идеально белой сорочки подошёл к ним, чуть склонив голову в приветствии. На безымянном пальце правой руки блеснул перстень с крупным голубым камнем.

– По-моему, великолепно, господин штурмбаннфюрер, – призналась искренне Маренн. – Я получила удовольствие. Вот и Джилл очень понравилось, – она взглянула на дочь.

– Это правда, – подтвердила та.

– Я, кстати, хотел сказать, что очень доволен работой фрейлейн Джилл, – Шелленберг едва заметно улыбнулся. – Хотя она работает всего три месяца, она очень хорошо проявила себя. Особенно ей доволен мой личный адъютант барон фон Фелькерзам. Она очень ему помогает. Как говорит Ральф, сняла чуть не половину хозяйственной нагрузки, и теперь он может посвятить себя куда более серьезным делам. Фрау Ким, я хотел бы вас представить нашему гостю, как мы говорили, – напомнил штурмбаннфюрер, – вы не возражаете?

– Нисколько, штурмбаннфюрер, я готова, – откликнулась Маренн.

– А фрейлейн Джилл, может быть, пока прогуляется с моей супругой?

Шелленберг указал взглядом на фрау Ильзе. Она стояла в стороне в длинном платье из темно-синего бархата и обмахивалась веером. Чуть сдвинутые над переносицей красиво изогнутые брови и прикушенная губа явно свидетельствовали, что она недовольна, что её заставили ждать.

– Мама, я не хочу, – прошептала Джилл Маренн, у неё сразу испортилось настроение. – Лучше я пойду к Зилке.

– Джилл, так нужно, – строго ответила Маренн. – Фрау Ильзе тоже не может стоять в одиночестве. Это всего несколько минут, потерпи.

– Но о чем мне с ней говорить?

– Ну, расскажи ей о накидке из леопарда, очень женская тема.

– Мама, ты шутишь?

– Иди, Джилл.

– Ну как? Договорились?

Шелленберг терпеливо дождался, пока они закончат диалог, и предложил Маренн руку.

– Пойдемте, фрау. Барон Маннергейм сейчас как раз беседует с рейхсфюрером.

– Конечно, штурмбаннфюрер.

Маренн ободряюще улыбнулась дочери. Глубоко вздохнув, Джилл направилась к Ильзе. Заметив, каким колючим взглядом та наблюдала за её приближением, Маренн поняла, почему Джилл неприятно это общение. Когда Джилл подошла, Ильзе сухо поздоровалась. Впрочем, Маренн было хорошо известно, что и к ней самой супруга штурмбаннфюрера относится не лучше. В каждой молодой привлекательной женщине она видела конкурентку, и это вызывало у неё раздражение. Но что поделаешь, ради дела Джилл придется несколько минут изображать, что фрау Ильзе для неё – просто лучший собеседник. Она была уверена, что дочь справится с задачей. Самой же ей предстоял разговор куда серьезнее. Финского барона Маренн увидела издали. Он стоял с рейхсфюрером в нише окна, мимо них только что прошёл официант в ливрее, предложив шампанское. Высокий, около двух метров не меньше, с идеальной гвардейской выправкой – приземистый рейхсфюрер рядом с ним вообще как-то терялся. На парадном мундире барона – ордена царской русской армии, Большой крест шведского ордена Белой Розы, финские и прибалтийские награды. Она знала, что Маннергейму около семидесяти, но выглядел он гораздо моложе. Бесспорно, в молодости он считался красавцем. Да и сейчас то и дело привлекал взгляды дам, находившихся поблизости.

– Фрау Ким, подойдите, – заметив, что Маренн подходит с Шелленбергом, пригласил Гиммлер. – Вот наше светило, барон. Надежды многих наших воинов, раненных в военной кампании в Польше, сейчас связаны с ней, и надо отдать фрау должное, они оправдываются.

– Рад познакомиться, фрау, – светлые глаза барона пристально взглянули на неё, ей показалось, в них мелькнуло удивление. Она протянула руку в чёрной кружевной перчатке, он коротко пожал её.

– Взаимно, барон, – ответила Маренн сдержанно.

– Фрау Сэтерлэнд, по сути, возглавляет Главное медицинское управление СС, – продолжал тем временем рейхсфюрер. – Штурмбаннфюрер Гербрахт там исключительно для административной работы. Чтобы фрау не отвлекалась на бюрократию, а больше занималась практикой. Признаться, она кардинально изменила всю систему, теперь это на редкость хорошо отлаженный механизм, и фрау следит, чтобы он не давал сбоев. Самые передовые методы, лучшие лекарства – наше медицинское управление забирает в ведомстве больше денег на свои нужды, чем некоторые дивизии СС, – пошутил рейхсфюрер, в свете четырёх свечей, горящих в канделябре у окна, блеснули стекла очков. – Но мы не экономим на здоровье наших солдат. Наше правило – все должны вернуться в строй. Ну, кроме мёртвых, естественно, – он снова пошутил, Маннергейм кивнул, соглашаясь. – Я думаю, барон, лучшего специалиста, чтобы оказать помощь вашей протеже, вам не найти, – заключил Гиммлер уверенно. – Что касается меня, фрау Ким, – он повернулся к Маренн, – в этом вопросе можете полностью рассчитывать на мою поддержку. Как и во всех прочих, – рейхсфюрер сделал паузу. – Мы оставим вас. Идемте, Вальтер, – кивнул он штурмбаннфюреру. – Я ещё не имел возможности взглянуть на чудесную Эдду, наследницу рейхсминистра. Вы видели?

– Нет, мой рейхсфюрер.

– Тогда поторопимся, – Гиммлер взглянул на часы. – Скоро приедет фюрер.

– Мне кажется, лучше пройти в соседнюю комнату, – предложила Маренн барону. – Там не таклюдно и можно присесть. Пойдемте?

– Конечно, фрау, – согласился Маннергейм. – Скажите, прежде мы не могли с вами встречаться? Мне кажется знакомым ваше лицо. Вы не бывали в Петербурге? До революции, я имею в виду? – спросил он, следуя за ней.

– Была, один раз, – честно призналась она.

Обернувшись, она увидела, как Джилл разочарованно провожает взглядом Шелленберга, направляющегося с рейхсфюрером к чете Герингов. Это означало, что ей ещё довольно долго придется развлекать фрау Ильзе разговорами, и это её, безусловно, расстроило.

– Во время конференции стран – членов Антанты, – добавила она, входя в небольшую комнату, украшенную в охотничьем стиле. – Кажется, в конце февраля семнадцатого года.

– За месяц до отречения государя императора, я помню, – лицо Маннергейма помрачнело. – Я был в свите Его Величества.

– А я с французской стороны, – продолжила Маренн. – Хотя даже больше с английской, – она исправилась с улыбкой. – Я служила сестрой милосердия в госпитале герцогини Сэтерлэндской, – объяснила она, – вместе с её светлостью мы посетили несколько госпиталей в Санкт-Петербурге. Её Величество императрица Александра Федоровна сама лично показывала нам, как ухаживают за ранеными русскими солдатами и офицерами, её дочери принимали в этом участие. Кажется, ещё нас сопровождал доктор Боткин, – вспомнила она. – Личный врач императорской семьи.

– Он был расстрелян большевиками вместе с государем императором в Екатеринбурге...

– Я слышала об этом, – грустно подтвердила Маренн. – Прошу вас, присаживайтесь, барон.

Она села в кожаное кресло напротив камина и на мгновение остановила взгляд на играющем пламени.

– Я готова выслушать вас, очень внимательно.

– Благодарю вас, фрау, – Маннергейм сел в кресло напротив. – Я хочу вас предупредить, это очень личная история.

– Я понимаю, барон, – Маренн кивнула. – Я сделаю всё, что в моих силах.

– Женщина, за которую я имею честь просить, близка лично мне, – Маннергейм начал осторожно. – Она пережила чудовищную трагедию, то, что она осталась жива – это чудо. И каждый день жизни доставляет ей исключительно страдание. Всё, что случилось с ней, произошло не по моей вине. Но я чувствую свою ответственность. Кроме меня, ей некому помочь. У неё нет родственников. Речь идёт о княжне Марии Николаевне Шаховской. Хотя вам вряд ли что-то скажет имя.

– Я знаю, что в России существовал такой княжеский род, но ни с кем лично мне не пришлось быть знакомой, – ответила Маренн. – А что случилось с княжной? Она попала в аварию?

– Она пыталась совершить самоубийство, – Маннергейм опустил голову и смотрел в зеленые узоры ковра под ногами. – Ещё двадцать лет назад в Париже, в 1918 году, она пыталась застрелиться. Стреляла в рот, но пуля раздробила челюсть и прошла сквозь затылок навылет. Мари повезло. Ни один из серьезных сосудов не был задет, и она избежала парализации, но челюсть была повреждена очень серьёзно, и почти десять лет жизни она провела в молчании, она не могла говорить. Я перевёз Мари в Финляндию, где после революции обосновался сам, и всё это время по мере возможности искал врача, который вернул бы ей речь. Я нашёл такого специалиста в Стокгольме, он сделал Мари операцию – восстановил челюсть, используя кость бедра. Вначале всё шло восхитительно. Речь постепенно возвращалась, нога почти не беспокоила, так что Мари даже ездила верхом, но затем боли в ноге усилились. И с каждым

годом становилось всё хуже, а три года назад наступило резкое ухудшение. Сказать, что нога просто болит – это ничего не сказать, фрау.

Глядя прямо в лицо Маннергейму, Маренн прочла в его глазах глубокую печаль.

– Мари испытывает кошмарные боли, – продолжал он. – Испытывает боли, но боится принимать наркотические вещества, которые ей прописывают доктора. Она сама служила сестрой милосердия в госпитале во время Первой мировой войны и знает, как легко к ним привыкнуть. Но терпеть становится всё труднее. Каждое движение доставляет ей страдание. Она практически не может ходить. В последние два месяца по комнатам передвигается на инвалидном кресле, которое смастерил для неё сосед-фермер, не может спуститься по лестнице. Практически не спит, только со снотворным. Боль изводит её, терпения становится всё меньше, и я боюсь непоправимого, – Маннергейм сделал паузу. – Поддавшись отчаянию, она совершит самоубийство. И эта третья, да, да, третья попытка окажется успешной. Она одна, я не могу находиться рядом с ней постоянно. У неё нет родственников, только двоюродная сестра в Париже. Но Мари категорически запретила мне сообщать ей о том, что с ней происходит в последнее время. У Зинаиды Борисовны большевики расстреляли отца в Варшаве, она едва пережила эту потерю, Мари не хочет её расстраивать. Но её положение уже кажется мне безвыходным. Я не суверен, но мне чудится во всем этом какой-то чудовищный рок. Какая-то сила желает ей смерти и тащит за собой. Простите.

Маннергейм замолчал на некоторое время. Отвернувшись, смотрел на огонь. Маренн не торопила его. Она уже понимала, что дело обстоит крайне серьёзно, случай тяжелый, и с точки зрения медицинской, и с точки зрения психологического состояния будущей пациентки.

– Она была одной из самых красивых женщин в Петербурге перед революцией, – продолжил барон, его голос прозвучал хрипло. – Простите, – он кашлянул в кулак. – Одной из самых знаменитых. Прекрасная наездница, искусная охотница, безупречна в танцах, манерах и языках. Но, как часто случается в аристократических семействах, её судьбу решили родственники, не спросив её, ещё при рождении определив, за кого она выйдет замуж. У Мари, правда, не было причин обижаться на родню, когда она выросла, она полюбила своего суженого, и он, как казалось, отвечал ей взаимностью. А потом предал, женившись на другой. Сейчас его давно уже нет в живых. Князь Григорий Белозёрский погиб в 1919 году во время наступления белой армии на Царицын в России. Там, в России, у большевиков осталась его молодая жена. Насколько мне известно, она согласилась на сотрудничество с чекистами. Мари очень тяжело перенесла известие о расторжении помолвки. Она любила Григория, не представляла жизни без него, мне это хорошо известно, – Маннергейм грустно улыбнулся. – Когда она почувствовала охлаждение с его стороны, она попыталась утопиться. Это было ещё в Сибири, у Колчака. Её спасли, но с тех пор её мучает хронический бронхит, она плохо переносит холод, а в их старом доме на озере Пяйянне холодно почти всегда. Она кашляет, пьёт микстуры, но переезжать в Хельсинки категорически отказывается. Я понимаю, этот дом – собственность их семьи, это её связь с прошлым, воспоминания, можно сказать, корни. Они дают ей силу сопротивляться. Лиши её этого дома – не исключено, что она умрёт, – Маннергейм вздохнул. – Но кашель – это всё вторично. Нога, нога – вот что мучает больше всего. То, что она не может ходить, – вот трагедия.

– Надеюсь, госпожу Шаховскую осматривали врачи? – спросила Маренн серьёзно. – Имеются какие-то исследования, анализы, рентген? В чем они предполагают причину? Есть история болезни?

– Да, конечно. Я привёз с собой все документы, чтобы вы могли ознакомиться, – ответил Маннергейм с готовностью. – Я попросил, чтобы специально к этой поездке всё тщательно перевели на немецкий. Врачи в недоумении, – признался он. – Как подтвердил рентген, нога срослась успешно. Но эти постоянные боли, которые с каждым годом всё сильнее, а последние три года – особенно.

– Я, конечно, изучу внимательно все исследования, но, как подсказывает мне опыт, – ответила Маренн задумчиво, – неправильное решение было принято изначально. Использовать для пересадки бедренную кость – опасно. Тазовые, бедренные, плечевые кости – в них активно происходит кровообращение, а значит, с кровотоком могут легко попасть микробы, вызывающие воспалительный процесс. Ну а где воспаление – там гной. И если он не выступает на поверхность, он попадает обратно в кровь. Это легко может привести к сепсису, заражению крови, – объяснила она, а барон слушал её очень внимательно. – Стоит только побочной инфекции слегка подорвать иммунитет и снизить защитные силы организма. А при хроническом бронхите – это вполне возможно.

– Нужна ещё одна операция? – спросил Маннергейм напряженно. – Можно ли помочь Мари?

– Я думаю, да. Это вполне вероятно, – Маренн произнесла уверенно. – Конечно, нужно будет провести дополнительные исследования. Насколько я понимаю, наружных свищей нет. Пока нет. Значит, организм справляется собственными силами, но они на пределе. Поэтому для начала попробуем подавить инфекцию медикаментозно. Но если будет обнаружено попадание гноя в межмышечное пространство, то да, тогда операция, – она вздохнула. – Придется вскрывать флегмону кости и всё тщательно вычищать. Но опять-таки мы сможем сделать это только после того, как подавим все острые проявления заболевания. Тогда можно будет поручиться за то, что рецидивов не возникнет.

Дверь открылась, в охотничью комнату донесся шум голосов из соседнего зала.

– Я прошу прощения, фрау, – вошел адъютант Гитлера Гарри Менгесгаузен, – только что приехал фюрер, – сообщил он. – Он приглашает барона принять участие в беседе.

– Благодарю, – Маренн встала, Маннергейм поднялся вслед за ней. – Я распоряжусь, чтобы все документы, которые вы привезли с собой, доставили мне в клинику Шарите, – пообещала она. – И думаю, что уже на этой неделе смогу отправиться в Хельсинки. Если болезнь уже достигла острой стадии, медлить нельзя. И так, я полагаю, упущено много времени.

– Я вам признателен, фрау, – Маннергейм склонил голову и слегка сжал её руку. – Что касается условий работы, то можете не сомневаться. Несмотря на то что положение в стране сложное, мы на грани войны с Советами, я позабочусь о том, чтобы были созданы все необходимые условия.

– Благодарю, – Маренн улыбнулась. – Собственно, мне понадобятся только помещёние и... больная, – пошутила она. – Необходимое оборудование, медикаменты, и даже ассистентов, я привезу с собой. Чтобы не возникло никаких неожиданностей.

* * *

Вечер был холодный и необычайно ясный. Розовые лучи заходящего солнца скользили по неподвижной глади поросшего камышами озера. Изредка слышался хруст – это запоздалая утка садилась в камыши, торопясь к месту ночёвки.

– Рейхсфюрер очень доволен вашей беседой с бароном Маннергеймом, фрау Ким.

Кутаясь в пышный меховой воротник шерстяного пальто, Маренн шла с Шелленбергом по обсаженной елями и рододендронами аллее вдоль озера в загородной резиденции штурмбаннфюрера. Отблески играли на кожаных обшлагах его шинели и чёрном козырьке фуражки.

– Однако помимо сочувствия и желания оказать барону помощь в несчастье, которое постигло его лично, рейхсфюрер был бы весьма доволен, если бы вы, фрау Ким, находясь в Хельсинки, сосредоточились бы не только сугубо на своей профессиональной деятельности, но и обратили бы внимание на некоторые детали, связанные с нашей работой.

Шелленберг сделал паузу – ждал реакции.

– Я готова, мой штурмбаннфюрер, – ответила Маренн не задумываясь, – если это будет в моих скромных силах.

– Я уверен, вы справитесь.

Шелленберг улыбнулся.

– Я не попрошу вас, конечно, целенаправленно собирать сведения о противнике или следить за кем-то, для этого у меня есть в Хельсинки агенты, и они неплохо справляются с делом, – продолжил он. – Но как вы, вероятно, знаете, фрау Ким, связи, настроения, атмосфера – всё это играет существенную роль в том, какие выводы мы здесь в Берлине сделаем из полученной от агентов информации. Можно сделать акцент на каком-то факте, а можно трактовать его как второстепенный и увидеть важное обстоятельство в другом событии. Потому важна каждая мелочь. Поскольку княжна Шаховская, которой рейхсфюрер очень просит вас оказать помощь, действительно является ближайшей к барону Маннергейму персоной, вы, несомненно, будете иметь возможность наблюдать настроения в его кругу. Кроме того, есть ряд обстоятельств, связанных с прежней, ещё петербургской жизнью княжны, которые стали нам известны, и они заставляют нас отнестись к её прошлому внимательно.

– Княжна Шаховская была связана с русской контрразведкой? – удивилась Маренн.

– Нет, несколько, – Шелленберг покачал головой. – Но не исключено, что с русской, точнее, большевистской, чекисткой разведкой связана другая персона, с которой княжна Шаховская когда-то была близко знакома в Петербурге, и теперь, по сведениям наших агентов, можно ожидать появления этой персоны в Хельсинки, – Шелленберг сделал паузу, обдумывая. – Об этой персоне нам известно немного.

– Я ничего не понимаю, – призналась Маренн. – Что за персона? Это мужчина или женщина?

– Женщина. Это человек лично близкий Сталину, пользующийся его доверием. Во всяком случае, прежде это было так. В недавнем прошлом – личный агент Дзержинского, то есть работавший с ним на прямой связи, без посредников. Она помогла шефу чекистской разведки полностью избавиться от белогвардейской верхушки в Париже и Берлине, практически обезглавить белоэмиграцию. Возглавляла европейский отдел до прихода к руководству Ежова. Три года назад через чешских союзников Кремля нам удалось вбросить на эту персону компромат, и в результате чисток по делу маршала Тухачевского она была снята со всех постов, арестована и отправлена в ссылку. Сейчас после очередной смены руководства, видимо, вернулась, и, насколько нам известно, не утратила доверия вождя. Приезд Эльзы – это её позывной – не станет проходным эпизодом. Такие лица обычно появляются перед важнейшими событиями, и перед ними, как правило, ставятся очень серьезные задачи. Этот приезд фактически будет означать, что Сталин решился на войну с Финляндией. Все эти переговоры, которые сейчас ведутся в Москве между советской и финской сторонами, просто отвлекающий маневр. Сталин уже понял, что на переговорах ему ничего не добиться, он просто выигрывает время, ждёт удобного момента. И безусловно, уже разработал план, как свалить на финнов вину за агрессию. Эльза – мастер всякого рода провокационных штучек. Не исключено, что она получила соответствующие инструкции, и они разыграют «спектакль» наподобие того, который организовал в Глейвице Науйокс для того, чтобы иметь повод для агрессии. Сейчас главное действующее лицо от НКВД в Хельсинки – это один из помощников русского посла Борис Рыбкин, известен под псевдонимом Ярцев, он имеет неограниченные полномочия, ему помогает его жена, тоже крупный сотрудник органов, госпожа Зоя Рыбкина, она возглавляет отделение «Интуриста» в Финляндии. Все эти люди ведут активную деятельность, но как сообщил мне на днях оберштурмбаннфюрер СС Кнохен, возглавляющий соответствующее подразделение в Шестом управлении и курирующий, в частности, Скандинавию, в Хельсинки большевики планируют смену резидента, чета Рыбкиных отозвана, вместо них ожидается другой человек.

Мы предполагаем, и это подтверждается косвенными данными из Москвы, что это будет Эльза. Её приезд будет означать войну.

– Каким образом княжна Шаховская могла быть связана с этой дамой? – внимательно выслушав штурмбаннфюрера, Маренн пожала плечами. – Весьма неприятной, надо полагать. Дама, устраивающая войны, – она склонила голову, – это мне кажется не вполне естественным. Видимо, это и есть большевистская реальность, тот новый мир, который они всем обещали. Не может же она оказаться бывшей русской аристократкой. Когда-то работала на кухне у Шаховских, если только так.

– Не совсем так, – сдержанно поправил Шелленберг. – Мы не располагаем исчерпывающими сведениями, но, по нашим данным, она дворянка. И даже успела приобрести титул, выйдя замуж за знатного аристократа. Но муж её был убит во время Гражданской войны в России, она же осталась с большевиками...

– Осталась с большевиками?! – Маренн даже остановилась на мгновение. – После того, как они убили её мужа?

– По тем временам вполне обычная история, – ответил Шелленберг. – Разделение проходило по самым близким людям, по семьям, мы и сами недавно наблюдали это в Германии. Идеи побеждали чувства привязанности, родства. Именно потому, что муж её был известным в Петербурге человеком и, конечно, входил в круг знакомств князей Шаховских, я предполагаю, что княжна Шаховская может знать её. Если мы вовремя узнаем о прибытии агента, это поможет нам действовать быстро и, возможно, упредить события. Согласно пакту мы должны сохранять нейтралитет, мы не можем помочь Финляндии не то что войсками или вооружением, даже промышленными технологиями, это всё приходится делать в обход, через третьи страны. Мы можем действовать только тайно, в этом, кстати, весьма преуспел наш друг шеф абвера адмирал Канарис, – Шелленберг усмехнулся. – Совместно с финскими разведчиками они организовали морские патрули и, курсируя вдоль береговой линии, собрали немало данных о пунктах сосредоточения Красной армии и о силах, которыми располагает Сталин. Канарис, конечно, делится информацией со своим бывшим подчиненным, нашим шефом Гейдрихом. Мы, правда, тоже не бездельничаем. Кнохен организовал регулярную заброску диверсионно-разведывательных групп в Карелии. Всё это позволяет нам держать руку на пульсе событий. Но повторяю, в открытую мы ничего не сможем сделать, – Шелленберг сделал паузу и, отвернувшись, закурил сигарету. – Мы ничем не сможем помочь финнам в случае прямой агрессии. Пакт связывает нам руки.

– Разве большевики могут быть союзниками Германии? – осторожно произнесла Маренн. – Это неестественно, этот пакт – лицемерие, ведь совершенно очевидно, что Сталин – враг европейской цивилизации, какими бы силами она не была представлена. Он – враг нашей культуры, римской культуры, он представляет хаос, разрушение. Большевики погубили блестящую европейскую Российскую империю, какой её основал их император Пётр, и они не успокоятся, пока не осуществят свой Интернационал, который везде провозглашают, пока весь мир не превратится в единое государство пролетариата. Разве Англия не более естественный союзник для Германии?

– Для какой Германии, Мари? – Шелленберг остановился и внимательно посмотрел на неё. – Германии, которую возглавляет Адольф Гитлер? Который хочет стереть Англию с лица земли, разве вы не слышали последние речи нашего фюрера? Такие разговоры опасны, Мари, и я надеюсь, вы не позволите себе вести их с кем-либо ещё, кроме меня, даже в самом близком кругу, – предупредил он. – Да, с цивилизационной точки зрения Англия – естественный союзник Германии. У нас одни исторические корни, одна культура. Но англичане победили в прошлой мировой войне, а мы проиграли, и сейчас наступает время реванша. Униженный будет мстить. В том, что эта идеология отмщения победила в нашем обществе, возможно, виноваты мы, образованный класс, так как теперь сами вынуждены исполнять приказы далеко не

самых высокоинтеллектуальных персон, отражающих, однако, мнение большинства граждан, а потому пользующихся популярностью. Это, безусловно, приведёт к большой беде, так же, как и вы, я понимаю это ясно. Но в наших силах сейчас лишь ослабить удар, не отменить его. Схватка рейха и большевистской России неизбежна, пакт – это только отсрочка. Два хищных зверя не живут в одной клетке, они уничтожают друг друга, бьются до гибели одного из них. И это нам предстоит. И очень важно, на чьей стороне окажется именно Англия. Боюсь, что не на нашей. Вы же слышали обращение Черчилля к парламенту. «Мы будем сражаться на пляжах, мы будем сражаться в городах и на холмах, мы будем сражаться на островах, но мы никогда не сдадимся». Это в английском духе. И сейчас, когда Англия и Франция объявили нам войну, надо успеть достичь победы и мира на западе, пока восточный колосс связан пактом и намерен пока решать свои территориальные споры с маленькой Финляндией. Так что мне передать рейхсфюреру? – Шелленберг спросил озабоченно. – О его просьбе.

– Я сделаю всё, что я смогу, конечно, – подтвердила она.

– Вы там не будете одна. Вам будут помогать. Наши люди будут извещены, – заверил её штурмбаннфюрер. – Я сегодня же попрошу Кнохена, чтобы он подготовил эту поддержку. Однако очень прошу вас быть осторожной. Это просьба рейхсфюрера. И моя лично. Мари, – рука Шелленберга легла поверх руки Маренн, лежащей на кованых перилах, украшающих небольшой мостик над озером, где они стояли. Его пальцы скользнули по тонкой лайковой коже перчатки. Маренн почувствовала, как от волнения у неё вздрогнуло сердце. Она неотрывно смотрела в чёрное зеркало воды внизу, в котором отражались камыши. Она боялась повернуться и затаила дыхание. Вальтер приблизился на шаг. Его пальцы сжали её руку. Он повернул её к себе, несколько мгновений смотрел ей в лицо блестящими от волнения светлыми глазами, потом наклонился, чтобы поцеловать.

– Нет, нет...

Маренн резко отстранилась и уперлась рукой ему в грудь.

– Я не могу. Простите.

– Я понимаю.

Не поворачиваясь, боясь обернуться, она быстро пошла по аллее парка к дому. Обогнув дачу, направилась к выходу. Офицер службы охраны удивленно взглянул на неё, но ни о чём не спросил и приготовился выпустить с территории, едва взглянув на пропуск, который она протянула ему, достав из кармана пальто. Сзади мягко прошуршали шины – остановилась машина.

– Фрау Ким, подождите, – она услышала за спиной знакомый голос помощника Шелленберга – унтерштурмфюрера СС фон Фелькерзама; голос раздавался из опущенного окна машины. – Уже поздно, и до Грюневальда далеко. Штурмбаннфюрер приказал мне довезти вас до дома.

– Благодарю, Ральф.

Она подошла к машине. Фелькерзам предупредительно распахнул перед ней дверцу – она села на заднее сиденье. От охватившего смятения её бил озноб, она едва сдерживала дрожь.

– Поднимите шлагбаум, – приказал Ральф солдату охраны, садясь за руль.

– Слушаюсь, унтерштурмфюрер, – тот быстро выполнил приказание.

Машина тронулась с места и, выехав с территории резиденции, ещё несколько минут ехала по лесной дороге, освещая путь фарами. Стало совсем темно.

– Как вы хотели идти здесь в темноте, фрау? – спросил Ральф удивленно. – Здесь легко споткнуться и упасть.

– Я как-то совсем не подумала об этом, Ральф, – призналась Маренн честно. – Хорошо, что вы догнали меня. Спасибо.

– Это приказал штурмбаннфюрер, – ответил Фелькерзам сдержанно.

Маренн промолчала.

* * *

– Мама, ты так поздно! Ой, простите.

Накинув пальто, Джилл выбежала на крыльцо, но, увидев Ральфа за рулем, смутилась.

– Агнесс уже третий раз греет ужин, – добавила она растерянно. – Мы заждались.

– Ничего страшного, я немного задержалась, – Маренн ободряюще улыбнулась дочери. – Если вы не торопитесь, унтерштурмфюрер, – обратилась она к фон Фелькерзаму, – я приглашаю вас поужинать с нами. Нам это будет приятно, – она бросила взгляд на Джилл, та смотрела под ноги, опустив голову.

– Нет, нет, благодарю, фрау, – Ральф вышел из машины. – Добрый вечер, фрейлейн, – поприветствовал он Джилл, та едва заметно кивнула в ответ. – Штурмбаннфюрер поручил мне всего лишь довести вас до дома, и мне необходимо вернуться назад. Благодарю за приглашение, но принять не могу.

– Я понимаю, – ответила Маренн мягко. – Хотя жаль. Тогда – увидимся завтра, – она слегка пожалала плечами.

– Спокойной ночи, фрау. До завтра, фрейлейн.

Ральф фон Фелькерзам снова сел в машину. Хлопнула дверца, заработал мотор. Мягко шурша шинами, «мерседес» медленно развернулся и выехал за ворота.

– Ты что, его боишься? – спросила Маренн у дочери, когда ворота закрылись. – Ты как-то излишне смущаешься. Или мне кажется? – Маренн внимательно посмотрела на дочь.

– Нет, я не то что боюсь, – ответила Джилл неуверенно и направилась к двери. – Мне кажется, он уделяет мне слишком много внимания. Но больше, чем это положено по службе.

– Тебе это неприятно?

– Нет, напротив, – возразила Джилл горячо, снимая пальто в прихожей. – Но я не уверена, можно ли это? На службе всё очень официально.

– Я не думаю, что Ральф может позволить себе что-то, что было бы неудобно или тем более оскорбительно, – уверенно сказала Маренн. – Так что тебе не стоит волноваться, напротив, мне кажется, у тебя есть причины радоваться, – поправляя волосы, она посмотрела на Джилл в зеркало.

– Радоваться чему? – дочь искренне удивилась.

– Что ты ему нравишься, как я понимаю, – Маренн сказала намеренно равнодушно и прошла в столовую.

– Мама, это ты серьёзно? – Джилл побежала следом. – Нет, ты всё это серьёзно сказала? – попытывалась она.

– Вполне. Добрый вечер, Агнесс.

Под хрустальной люстрой, освещающей комнату, горничная накрывала на стол.

– Добрый вечер, фрау.

– А что Отто, не приедет? – спросила Маренн у Джилл, присев в кресло перед камином.

– Нет, – ответила та, встряхнув пышными волосами. – Он звонил и сказал, что останется ночевать у себя на квартире, в Берлине. Завтра рано утром совещание.

– Останется у себя? – Маренн не повернулась, спросила намеренно равнодушно. – Так рано совещание, что он не успеет доехать? Я что-то не замечала, что он большой любитель поспать, – заметила она с горькой иронией.

– Ну да, он так сказал, – Джилл растерянно пожалала плечами. – Ты расстроилась, мама?

– Нисколько, – Маренн постаралась, чтобы её слова прозвучали весело. – Значит, мы будем ужинать вдвоем.

– А ты знаешь, я сегодня показывала фотографию Штефана Зилке, – Джилл придвинула стул и села рядом. – Она сказала, что он собрал вокруг себя столько девушек, что танка за ними

не видно. И письмо у него такое беззаботное, даже радостное, не скажешь, что оно с войны. А ты когда поедешь в Польшу, мама? – спросила она. – Ты знаешь, одна наша сотрудница, её зовут Софи, она специализируется по славянским языкам, как раз польский и всё такое, хочет написать Штефану письмо, он ей очень нравится. Геббельс же бросил клич: напиши письмо солдату. Она всё это очень всерьёз воспринимает, – Джилл рассмеялась. – Ну то, что доктор Геббельс говорит, – уточнила она. – Вот буквально не отходила от меня: можно я напишу твоему брату, – пока я не дала согласие. Мне-то что? – Джилл пожала плечами. – Пусть пишет. Уверена, что Софи ему совершенно не интересна, но расстраивать её не стала, жалко. Я даже сказала, что ты передашь ему, когда поедешь в Польшу. Вот будет для него сюрприз!

– Конечно, я поеду, Джилл, – ответила Маренн, не отрывая взгляда от огня в камине. – Но боюсь, что это будет не скоро, а через некоторое время. В ближайшее время я поеду в Финляндию, в Хельсинки, таков приказ рейхсфюрера. Так что Софи лучше воспользоваться военной почтой. Я бы с удовольствием ей помогла, но так будет быстрее.

* * *

– Мадемуазель Катрин, вы прекрасно держитесь в седле и вели себя сегодня очень смело. Признаюсь, я восхищён.

Князь Белозёрский, наклонившись, поцеловал её руку. Его глаза смотрели с теплотой, и Катя, засмутившись, отвернулась, так и не сообразила, что ответить...

...Крупные капли дождя стучали в тусклое окно сторожки, ветер рвал ветки дуба, темно-зелёные ажурные листья скользили по стеклу, где-то вдалеке слышались раскаты грома. Денщик Григория растопил печь и набивал углями старинный, ещё времен матушки Екатерины, медный самовар. Она в волнении сжимала бледными пальцами край кружевной занавески на окне. Григорий приблизился на шаг, у неё перехватило дыхание, когда он положил руку ей на плечо и повернул к себе, она видела его глаза очень близко, как будто растворилась в его взгляде...

– Мадемуазель Катрин...

Железный подоконник за окном застучал – несколько голубей подрались из-за хлебных крошек, которые насыпала им в кормушку соседская домработница Клава. Екатерина Алексеевна приподняла голову и повернулась к окну, и тут же острая боль пронзила висок, она стиснула зубы, чтобы не застонать, и снова положила голову на подушку. Сладковатый привкус тошноты появился во рту, она судорожно проглотила слюну. Закрыла глаза. В дверь постучали, затем она приоткрылась.

– Катя, ты спишь?

По легкому акценту она узнала наркома внутренних дел Берию.

– Твоя девица сказала мне, что сегодня тебе стало лучше. Мы с Симаковым ненадолго...

– Да, Лаврентий, входите, – Екатерина Алексеевна с трудом приподнялась на локте.

– Я помогу, – её заместитель майор Симаков быстро подошёл и, осторожно поддерживая за плечи, помог ей сесть.

– Спасибо, Николай Петрович. Присаживайтесь, – она показала рукой на два стула у окна. – Сейчас Аннушка принесёт чаю.

– Да особой суеты не нужно, – Берия придвинул стул, сел, постукивая пальцами по толстой кожаной папке, которую принёс с собой. Симаков расположился чуть дальше. – Мы уж начаёвничались, – продолжал нарком. – На совещании у Хозяина.

– Это что-то об Алексее? – она показала взглядом на папку. – Ты нашёл о нём что-то? Он жив? – спрашивая о муже, генерале Петровском, она неотрывно смотрела в лицо наркома и даже не чувствовала в этот момент навязчивой, нудной боли в голове, ставшей в последнее время её неразлучной спутницей.

– Нет, это не об Алексее, – Берия отвел взгляд. – Это по финляндским делам. Я пришёл, чтобы обсудить с тобой это. Не волнуйся, – он быстро добавил, увидев, как исказилось и без того бледное, измученное болезнью лицо Кати, – я же обещал. Если я обещал, я сдержу слово. Мы найдём его. Приговор не привели в исполнение. Он где-то в лагере, он жив, Катя, это совершенно точно. И я его найду. Но очень много текучки. А после ежовских прихвостней чёрт ногу сломит. Я помню, Катя. И его найдём, и Кондратьева. Не сомневайся. Нам самим эти люди сейчас нужны. Я уже заручился поддержкой Хозяина на этот счёт, а это дорогого стоит. – Берия сделал многозначительную паузу. – Ты должна поддерживать себя надеждой, – он понизил голос, наклонившись к ней. – Не расстрелян, Хозяин отменил приказ в тридцать седьмом, значит, вернётся. Ты об этом должна думать, надеяться.

– У меня не хватает сил, – призналась она честно. – Но и на том спасибо. Так о чём ты хотел говорить?

– Чай, можно? – В комнату вошла медсестра, исполнявшая заодно обязанности и сиделки, и горничной, и кухарки, проверенный сотрудник органов, назначенный лично Берией. В руках она держала поднос с чашками и накрытым салфеткой заварным чайником.

– Поставьте там, – Симаков показал на стол.

– Екатерине Алексеевне через полчаса лекарство принимать, – строго предупредила она.

– Мы успеем, – сухо ответил Берия. На мгновение повисла тишина.

– Хозяин настаивает, чтобы ты отправилась на финскую границу, – сообщил нарком, как только медсестра вышла. – Здесь информация, полученная от нашего резидента Рыбкина, он же консул Рябцев, ознакомься, – он протянул Екатерине Алексеевне папку. – Все его попытки склонить финнов к нейтралитету оказались безуспешны. Они упорно смотрят в сторону Германии, готовы в случае конфликта предоставить немцам свою территорию, а тех сдерживает только пакт, формально, – Берия вскинул брови, – тайно они оказывают Маннергейму всю необходимую техническую помощь, и это становится опасно. К тому же они упёрлись на переговорах по островам. Похоже, их не удастся склонить к компромиссу. Надо организовать операцию, Катя. Симаков кое-что уже обмозговал, Хозяин в общих чертах одобрил. Детали нам поручено с тобой домыслить самостоятельно. Важен политический аспект, – Берия со значением поднял вверх указательный палец, – международный резонанс, так сказать. СССР – государство, которое стремится к миру во всём мире. Мы защитники всех обиженных и угнетённых, надежда пролетариата всего земного шара. Мы против войны. Нельзя допустить, чтобы буржуазная пресса обвинила нас в агрессии против соседнего государства. Всё должно выглядеть так, что финны сами на нас напали, а мы вынуждены ввести войска, чтобы ответить на действия зарвавшегося агрессора.

– Мы войны не хотим, но острова нам всё-таки нужны, – Екатерина Алексеевна попыталась улыбнуться, но боль стала только сильнее, и она сморщилась. – Финны нападать не желают, но надо сделать так, чтобы они этого захотели, или, по крайней мере, так это выглядело для англичан и французов. Я понимаю.

Она помолчала мгновение, потом взглянула на наркома тусклыми, покрасневшими от постоянной боли глазами.

– А ты сказал Хозяину, Лаврентий, что я не могу выполнить его приказ? – спросила она, понизив голос. – Как я могу организовать операцию, тем более исполнить её, если я стоять на ногах не могу, эта проклятая пуля в голове, она меня всю наизнанку вывернула. Ты не сказал ему, Лаврентий? – она догадалась по тому, как он наклонил голову вниз. – Ты побоялся ему сказать. Он вообще не знает, что я – инвалид, почти труп. Что это за агент, которого поведут под руки? – она горько усмехнулась.

– Нина говорит, что несколько часов вчера ночью ты спала спокойно, – проговорил Берия глухо.

– Твоя жена – ангел, Лаврентий, её заботы облегчают мне жизнь, её присутствие по ночам в моей комнате возвращает мне покой, которого я давно не знала, – призналась Екатерина Алексеевна, – но я неспособна к работе. Тем более к такому серьёзному делу. Ты должен сказать Хозяину об этом, Лаврентий. Он назначит другого человека.

– Он назначит другого человека, – Берия снова низко наклонился к ней и почти перешёл на шёпот. – Но тебя выбросит. Просто как ненужную вещь. Как уже однажды выбросил в тридцать седьмом, не помешав Ежову с тобой расправиться. Мне стоило больших трудов вернуть тебя назад, Катя, спасти от судьбы многих, кто попал под расправу вместе с тобой. Хозяин тебя не пожалеет, больные, бесполезные ему не нужны. Он не забыл, кто ты есть, бывшая княгиня Екатерина Белозёрская, ты классовый враг, им и останешься. Ты существуешь только, пока приносишь пользу. Не приносишь пользы – немедленно в расход. Это не только тебя касается, меня тоже, такая власть. Его власть, – он снова поднял палец. – Мы все существуем, пока ему нужны. А перестанем быть нужными, выполним свое дело – отправимся туда же, куда и Ежов с братией. Не надейся на пощаду. Пощады не будет, не жди. Он беспощаден. В этом его сила. Так что надо встать, Катерина, и надо сделать, ну а дальше? – Берия пожал плечами. – На всё его воля. Иосифа. Так что ознакомься, – он кивнул на папку. – Симаков там набросал свои предложения. А мы завтра снова заедем, – Берия встал. – Если всё сделаешь, как я говорю, Алексей быстрее вернётся, свидишься с ним, – Лаврентий пристально посмотрел на неё, в блеклом осеннем свете, проникающем в окно, блеснули стёкла очков. – А Нина придет вечером, как обычно, как только из института освободится. Подумай, Катя. Всё, пошли, Симаков, – нарком решительно направился к выходу. – Некогда. Дел много.

– А как же чай, Лаврентий Павлович? – услышала Катя в коридоре удивленный возглас медсестры.

– В другой раз, Анна Михайловна, в другой раз. Завтра почаёвничаем.

Хлопнула дверь. По паркету прошаркали тапочки – Аннушка ушла на кухню. Наступила тишина. Екатерина Алексеевна несколько мгновений смотрела на папку, которую нарком оставил ей. «Он не забыл, кто ты есть, бывшая княгиня Екатерина Белозёрская, ты классовый враг, а значит, должна быть уничтожена», – голос наркома всё ещё звучал у неё в ушах. Потом, размахнувшись, со всей силы ударила папку об пол. Боль ослепила её, застонав, она упала на подушки, потеряв сознание.

– Екатерина Алексеевна, что с вами? – испуганная медсестра вбежала в комнату. – Что вы?!

* * *

– Ай!

Журнал с рассказом Набокова соскользнул с колен и упал на пол. Маша беспомощно вскинула руки. Поднять его она уже не сможет – вернее, сможет, но придётся привстать с кресла, а значит, опять потревожить ногу, и будет больно. Значит, надо звать Магду. Впрочем, Маша уже услышала, как процокали коготки по деревянному полу в соседней комнате. Услышав шум, собака сама поспешила на помощь. Подбежав к креслу, в котором сидела Маша, подняла журнал и подала хозяйке.

– Спасибо, милая моя!

Маша потрепала Магду между ушами.

– Что бы я делала без тебя?

Лизнув её руку, собака улеглась у ног, положив голову на мысок ботинка. Маша взглянула в окно. Солнце садилось за высокими тёмными елями. Двадцать пять елей за окном, одинаковой высоты, точно строй солдат, почти век назад посаженные прадедом фермера Оле Паркоса, чтобы защитить хутор от холодных северных ветров. Она точно знала, что их двадцать

пять. Каждый день, сидя в своём кресле, она смотрела в это окно, на ели, и пересчитывала их по десятку раз на дню. Когда теперь она их увидит снова? Завтра с утра за ней приедет адъютант Густава, чтобы помочь ей собрать вещи, и увезёт её в Хельсинки, где для неё приготовлено место в клинике. Ей предстоит длительное лечение, возможно, операция. Специально для того, чтобы лечить её, из Германии приедет известный врач, «очень компетентная женщина» – кажется, так сказал ей Густав. Её направил рейхсминистр Геринг, чтобы помочь Маше в её беде.

Накануне Густав приезжал сам. Известие, которое он привёз, поначалу испугало Машу.

– Нет, я не поеду, что ты такое говоришь? – она закрыла лицо руками, готовая разрыдаться. – Как я поеду? Как я спущусь с этой лестницы? Нет, я совершенно не готова! Опять лечение! Опять надежда, которая однажды уже не сбылась. Я больше не смогу стерпеть. Ещё одного разочарования я не выдержу. Разве ты не понимаешь? Пусть лучше так. И потом, – она отняла руки от лица и взглянула на Маннергейма полными слёз глазами. – Как я оставлю Магду и Кралю, – она указала взглядом на своих животных, сидевших рядом на коврике перед камином. – Кому я оставлю? Оле Паркосу? А если война? Сюда могут прийти большевики. Они погибнут. Ты же знаешь, – голос её дрогнул. – У меня никого нет ближе. Ты, Магда, Краля. Больше никого. Увы.

– Не надо так расстраиваться, Маша.

Маннергейм обошёл кресло, с нежностью положил руки на плечи Маши. Она прижалась щекой к его руке. Тепло его руки пронзило её, как и двадцать с лишним лет назад, когда тёплым вечером на террасе каменноостровской дачи он впервые прикоснулся пальцами к её щеке и повернул её лицо к себе, чтобы поцеловать. «Что вы себе позволяете, барон?!» – она хотела оттолкнуть его, ведь только за обедом Зина подробно рассказала ей всю историю походов Маннергейма с графиней Шуваловой. Маша была очень сердита. Но не смогла. И ответила на поцелуй, о котором позже сожалела.

– Ты просто испугалась, я понимаю, для тебя это неожиданность, – наклонившись, Густав поцеловал её пышные рыжие волосы. – Но надо использовать любые возможности. Рейхсминистр заручился поддержкой Гимmlера. Это очень высокопоставленные люди. В их подчинении состоят службы, где свой штат врачей, очень квалифицированные специалисты. Есть одна женщина, очень хороший хирург, компетентный. Известно, что она возвращает в строй тяжело раненных солдат и офицеров, которые в иных руках считались бы безнадежными, остались бы инвалидами. У неё они здоровы и снова могут служить. Это серьезная рекомендация, как военный человек я хорошо это понимаю. Мы должны довериться, Маша, это, возможно, последний шанс, – он ласково гладил её волосы и плечи. – Не бойся. Надо рискнуть. Ради прошлых надежд, которые разбились, ради будущего, ведь если всё сложится удачно, оно ещё будет у нас с тобой, обязательно. А за Магду и Кралю не стоит переживать, – он пожал плечами. – Они поедут с тобой. Пока поживут у меня на квартире. Я когда-то умел прекрасно обращаться с царскими лошадьми, так что с этими двумя питомцами справлюсь, – он улыбнулся. – Надо думать о хорошем. Время страдания когда-нибудь кончится.

Она подняла голову, взглянула на него – он уговаривает её или себя?

– Как оно кончится, когда все говорят, что на пороге – война! Ты для того настаиваешь, чтобы мы уехали, что знаешь, сюда придут большевики? – спрашивала она с тревогой. – И этот мой дом тоже им достанется, как и дом в Петербурге, дача на Каменном острове, и его они разграбят? Мой единственный родительский дом?

Она уже не могла сдерживать себя, слёзы покатались по щекам. Маннергейм молчал, прижав её голову к себе.

– Война неизбежна, ты права, – проговорил он глухо. – Но мы намерены драться, это настроение во всех слоях общества, много добровольцев, есть и вооружение. Мы заручились серьёзной международной поддержкой. Сталину дорого обойдется его авантюра, он даже не

представляет себе насколько. Он обломает зубы о маленькую Финляндию, в которой ещё жив старый русский имперский дух и прежняя русская отвага. Наши солдаты не чета их скопищам безмозглых баранов под красными звёздами, которых они гонят стаями под пулеметы. Каждый наш солдат, который защищает родной дом, родной хутор, родную землю, отца и мать, детей, – он стоит тысячи их. Но прольется кровь. Сталин хочет крови, его государство не может существовать без крови, и он добьётся своего. Но мы не сдадимся. Мы будем драться за каждый клочок земли, яростно и смело, как когда-то дрались под флагом русского царя, но Финляндия никогда не станет большевистской. Красным здесь не место. Хельсинки никогда не переименуют в честь какого-то кровавого вождя, как они варварски поступили с Петербургом. Пока я жив, на этой земле люди всегда будут помнить о Боге, о сострадании, о чести, как когда-то и в России, пока мракобесие в ней не одержало верх над разумом и добротой. Не думаю, что Сталин дойдёт до Коуволы, скорее всего, не дойдёт, я не допущу этого. Ты мне веришь, Маша? – он приподнял её голову, взглянув в глаза. – Твой старый родительский дом сохранится, Оле присмотрит за ним, пока ты будешь лежать в клинике. И мы ещё прокатимся с тобой верхом вдоль озера, моя принцесса, как когда-то по тенистым аллеям Павловского парка. Ты помнишь?

– Конечно, – прошептала она. – Твоя лошадь в яблоках всегда обгоняла мою. А ещё эти перья на шляпе! Они цеплялись за ветки и очень мне докучали. Зина знает, что мне предстоит ещё одна операция? – спросила, чуть помедлив. – Ты написал ей?

– Я не счёл себя вправе, – ответил он. – Ты сама это сделаешь, если сочтёшь нужным. Ты хочешь, чтобы она приехала из Парижа? Я это устрою.

– Мне было бы не так одиноко, – призналась она. – Её бесконечные рассказы о Набокове, об их ссорах с Верой, о жизни русской эмиграции во Франции, я частенько уставала прежде от её болтовни, но в тяжёлую минуту это хороший способ отвлечься. Не думать о страшном. А мне страшно, Густав. Меня пугает то, что должно произойти.

– Но и так как есть, продолжать нельзя, – возразил он. – Тебе становится всё хуже с каждым днем. Это кончится очень плохо. Надо попытаться ещё раз, Маша. Напиши Зине. Я позабочусь, чтобы письмо доставили быстро. Пусть приедет. Её встретят и разместят. Да, княжна Зинаида Борисовна – шумная особа, но если она будет с тобой, мне и самому будет спокойнее. Сейчас много дел в Совете обороны. Я смогу больше заниматься делами, а Зина будет сообщать мне всё важное, что происходит с тобой, – заключил он.

– Ты надеешься на Гитлера? Как можно! Он же социалист, – достав платок, Маша вытерла слёзы с глаз.

– Да, ты права, к сожалению, власть в Германии сейчас принадлежит национал-социалистам. – Маннергейм отошел к камину и сел в кресло напротив, погладив Магду по спине. – Но сохранились круги, которые придерживаются вполне буржуазных взглядов, Геринг имеет с ними связи, и именно эти круги оказывают нам содействие. Это и крупные промышленники, и банкиры, они никуда не делись, социалисты вынуждены считаться с их интересами. Внутренний террор, который произвёл в своей стране Сталин, Германии, по счастью, не грозит, и это даёт нам надежду. Но основные наши союзники – это демократии, конечно. Нейтральные страны. Швеция. Монархии. Англия, в первую очередь. Я думаю, они окажут нам прямую поддержку. Тем более сейчас, когда после заключения пакта с Советами и вторжения Германии в Польшу, Англия официально вступила в войну.

– Мне страшно, Густав, – призналась она, опустив голову. – Я уже как-то привыкла к такому убогому существованию, смирилась. Сломалась, возможно. Я не чувствую в себе сил на решительный шаг, я боюсь, я не справлюсь.

– Ты справишься, – он встал и подошёл к ней, с нежностью обнял за плечи. – Мы вместе справимся. Я уверяю тебя. Бог поможет.

– Хотелось бы, – прошептала она. – Я так давно не была в церкви, не ходила на службу. Наверное, он сильно на меня обижен.

– Бог простит, – Густав поцеловал её в висок. – Бог милостив, ты же знаешь.

И вот, вещи собраны. Два кожаных дорожных кофра с металлическими пряжками, пролежавших чуть не полвека в кладовой, – в них поместилось всё её нехитрое имущество. Портрет князя Белозёрского аккуратно завернут в шелковую шаль и положен сверху, чтоб не повредился. Оле Паркос помог упаковывать вещи и уехал всего полчаса назад. Завтра он приедет, как только рассветет, чтобы помочь адъютанту Густава погрузить их в сани.

– Вы не волнуйтесь ни капельки, я за всем присмотрю, – приговаривал Оле, доставая кофры из кладовки. – Буду приезжать, протапливать дом. Если бы вы, фру, своих зверушек не взяли, я бы их пригрел, уж не сомневайтесь, нашлось бы, чем покормить. Так что, может, и нет нужды вам тащить их с собой в столицу, здесь вас подождут? Марта согласится.

– Спасибо, Оле, – она искренне поблагодарила старика, – но животные поедут со мной. Это уже решено.

– Что ж, может, оно и правильно, – Оле пожал плечами. – Будем ждать вас, фру, может, и смилостивится Господь, поправитесь вы, – он взглянул на Машу, взгляд его оплетенных морщинами глаз выражал сочувствие. – Очень мы вас с Мартой жалеем. А если доктор хороший, как вы говорите, из заграницы приедет, то таким случаем грех не воспользоваться. Может, и вернетесь вы к нам на собственных ножках. Да и в гости пожалуете. Уж как моя старуха будет рада! Но если только война не начнется, – добавил он, помрачнев, – если все живые будем.

Двадцать пять елей в ряд, окутанные холодным осенним туманом, и – полное одиночество на краю пропасти. Одна, совсем одна. И силы надо черпать только в себе. А ещё в памяти, в прошлом. Решиться, отважиться, преодолеть судьбу. Удастся ли ей? А если нет – переживёт ли она разочарование, сколько уже выпало на её долю? Но нет, как убеждал её Густав, не надо думать о дурном. Надо надеяться. Надо иметь смелость надеяться.

* * *

– Гриша, я знаю, что задумал Феликс, не ходи, я умоляю тебя.

В тот темный декабрьский вечер они стояли друг против друга при одной горящей свече в небольшой будуарной комнате, и между ними – только лик Богородицы с младенцем в танцующем свете пламени. За опущенными шторами проезжают по Невскому экипажи, сигналият автомобили, торговцы заывают в лавки за подарками к Рождеству. Но всё это словно другая жизнь, не имеющая отношения к минуте, которую переживают они оба. Минута, так похожая на те, которые ей выпали сейчас. Эта минута, которая определит всё их будущее, решиться или нет. Уйти, свернуть, потерять честь? Следовать данному слову до конца, но тогда вполне вероятно – царский гнев, изгнание, Сибирь, ссылка.

– Не ходи, я прошу.

Она просила и знала, что он не может отказаться. Что честь дороже жизни. Что, вполне вероятно, судьба России в его руках, в руках его друзей, она зависит от их решительности. Так почти сто лет назад, бессонной ночью 14 декабря 1825 года, перед восстанием декабристов княгиня Екатерина Трубецкая, наверное, молила супруга не ходить на Сенатскую площадь. И знала, что он не сможет не пойти. И знала, что пойдет за ним в ссылку, на казнь, примет все страдания. Потому что иначе нельзя. В их руках – судьба России.

– Маша, о чём ты? Это невозможно.

Гриц с нежностью взял её руки, поцеловал пальцы.

– Ты же слышала речь Пуришкевича в Думе. Он говорил о пагубности присутствия Распутина при царе. Требуется всего лишь рекомендация старца, чтобы самый захудалый гражданин мог занять высокий пост. Тёмный мужик не может больше править Россией. То, что задумал Феликс, что мы вместе с ним задумали, это единственный выход, Маша. Разве ты не видишь, что происходит? – он говорил горячо, убедительно. – Просвещённая, европей-

ская Россия, как её задумал император Петр, в опасности. Силы хаоса, поднимающиеся из самой глубины, становятся всё могущественнее, это силы тьмы, силы варварства, угрожающие образованию и культуре. Распутин – их посланец. Его цель уничтожить династию как основу миропорядка в России. Уничтожить всё созданное с петровских времен могущество империи, разложить её. Государь слаб, безволен. Он не может противостоять их натиску. Николай Александрович прекрасный человек, он добр, он привязан к семье. Но эти силы уничтожат и его самого, и его семью, он пригрел змею, хотя пока не понимает этого. Силы, которые представляет Распутин, не оставят его в живых, но они уничтожат и всё государство. Надо действовать. Это решающий момент в истории России. Такой же, как и 14 декабря 1825 года, – он словно прочитал её мысли, впрочем, они думали об одном и том же, – если бы государь Николай Павлович прислушался к требованиям декабристов, Россия не знала бы крымского позора. Для нас же, Маша, всё обстоит гораздо серьезнее. Мы выбираем между жизнью и смертью, мы образованный, благородный класс общества, мы – элита, белая кость. Те, от кого зависит будущее страны. Нас сметёт тьма. И надо опередить её, пока не поздно. Отступать некуда. Как говорил когда-то граф Платон Zubov, фаворит государыни Екатерины, «если государь заблуждается, гвардия выйдет из казарм и его поправит». Блеск той эпохи не угас, пусть не надеются те, кому бы так хотелось. Дух братьев Орловых жив в наших сердцах. Государь помазанник Божий, но он лишь первый среди равных. Гвардия должна снова сказать веское слово. Феликс сказал, Ирина напишет Распутину, позовет его в гости, ведь он страстно охоч до знатных дам, унижить их и издеваться над ними, наслаждаться их страхом.

– Но ведь Ирина в Крыму, – возразила Маша. – Она прислала мне письмо из Ливадии. К тому же княгиня Зинаида Николаевна, матушка Феликса, она не допустит, чтобы «отвратительный монах», как она называет Распутина, переступил порог их дома.

– Зинаиде Николаевне всё известно, – ответил Гриц невозмутимо. – И ради того, чтобы старец навсегда исчез, она готова несколько дней пожить в Москве, куда и отправилась вчера вечером. Через два часа, – Гриц взглянул на часы на каминной полке, – Феликс заедет за Распутиным на своем автомобиле. Я должен быть в это время у него. Мы с Дмитрием Павловичем и Пуришкевичем будем изображать в соседней комнате гостей, которые занимают княгиню Ирину, и она не может уделить время старцу. В это время Феликс должен угостить его пирожными с приправой, – Гриц усмехнулся. – Надеемся, он накушается вдоволь, – добавил уже мрачно. – А если не подействует, будем стрелять.

– Твоя матушка княгиня Алина Николаевна знает? – спросила Маша с замиранием сердца.

– Нет, и ни звуком не обмолвись ей, – предупредил он. – Она близка с Александрой Федоровной, и хотя Распутин ей тоже не нравится, может не удержаться, скажет, чего не следует.

– Гриц, ты должен знать, – она приблизила свое лицо к его лицу, смотрела прямо в глаза, – что бы ни случилось, вплоть до виселицы, Господи сохрани, – она перекрестилась, бросив взгляд на икону, – но и такое случалось, вспомни декабристов. Ссылка, каторга, всё, что угодно. Я всё равно стану твоей женой, пусть родственники лишат меня наследства. Я последую за тобой, босая, нищая. Ты должен знать, я думаю, сейчас сказать об этом очень важно.

– Я знаю, ты – ангел, Маша, – он наклонился и поцеловал её в губы, – я не стою таких жертв. Но будем надеяться, всё обойдется. Что бы ни случилось, оставайся дома. Я дам знать, как всё решится.

За участие в убийстве Распутина князь Феликс Юсупов был сослан в имение, а князь Григорий Белозёрский – в действующую армию. Как и обещала, Маша последовала за ним, сменив драгоценные наряды на скромное одеяние сестры милосердия в госпитале. Смерть Распутина не спасла империю. Силы хаоса оказались непомерно велики, и вскоре она рухнула, а вместе с ней и вся их прежняя жизнь. Но те минуты решимости, последний проблеск света перед наступлением тьмы, сколько раз она вспоминала их в тяжёлое для себя время! Вот и

сейчас само всплыло в памяти. Когда надо решиться. И она решится. Она переломит судьбу. За себя, за Григория, за всё утраченное и погубленное. Ради памяти. Ради будущего, как убеждал Густав.

Она задремала, когда макушки елей едва заметно проступили в темноте. Гулкий крик ночной птицы стих. Свеча догорела и потухла, и лишь тусклый огонёк лампы перед иконой Богородицы освещал комнату.

* * *

Обугленные ветки вишен, выкорчеванные пни яблонь, сваленные кучей и затоптанные сапогами кусты крыжовника – всё, что осталось от сада княгини Алины Николаевны Белозёрской. Поросшая травой тропинка тянется к озеру, на берегу которого – Кирилловская обитель с заколоченными окнами и сбитыми крестами на куполах. Кажется, и с расстояния хорошо видны бурые круги крови на белом камне – это расстреливали монахов, не желавших впускать красногвардейцев в монастырь. За серой сеткой мелкого унылого дождя денщик Григория Кузьма, седой как лунь, прихрамывая, тащит вязанку дров, чтобы обогреть разрушенный, разграбленный дом. В нём не осталось стекол, двери выбиты, ветер гуляет по некогда уютным, теплым, светлым комнатам.

* * *

– Отличная статья сегодня в «Ленинградской правде». Вы читали, Екатерина Алексеевна?

Жданов хлопнул ладонью по газете, развернутой на столе, отхлебнул из стакана чай с лимоном.

– Нет, Андрей Александрович, о чём там?

Она с трудом отвела взгляд от окна, от голубеющих за мокрыми под дождём чёрными стволами деревьев стен Смольного собора, творения Растрелли, закрытого большевиками.

– А вы послушайте. «Невольно любуешься доблестными бойцами Красной армии, – прочитал Жданов. – Они вооружены новейшими снайперскими винтовками, блестящими автоматическими ручными пулемётами. Нет никакого сомнения в том, на чьей стороне окажется подавляющее преимущество в случае столкновения двух миров. Наша доблестная Красная армия – самая миролюбивая, самая героическая, самая могучая, оснащенная передовой техникой, армии же продажных капиталистических правительств, которые заставляют финнов брехать оружием, оснащены значительно хуже. У финнов же и вовсе, скажем откровенно, всё старенькое, поношенное. На большее пороху не хватает». Как? Точно подмечено, – похвалил Жданов. – Главное, хлестко, по сути.

– Очень вдохновляет, – Екатерина Алексеевна кивнула головой, скрыв улыбку. – Так, значит, по сообщениям нашего полпреда Ярцева, финны ни в чем уступать не намерены, и переговоры зашли в тупик, – она взглянула на своего помощника Симакова.

– Так точно, Екатерина Алексеевна, – доложил тот.

– И нам поручено решить вопрос.

– Вчера на совещании в Москве Иосиф Виссарионович сказал однозначно: «Давайте начнем, – Жданов отложил газету. – Мы лишь чуть повысим голос, финнам останется только подчиниться. Если они станут упорствовать, мы произведём только один выстрел, и финны сразу поднимут руки и сдадутся». Это точно его слова.

– А если одного выстрела не хватит? – Екатерина Алексеевна усмехнулась. – Мы действительно исчерпали все аргументы на переговорах? Компромисс невозможен?

– А он нужен? – хмыкнул Жданов, снова уткнувшись в газету.

– Екатерина Алексеевна, поскольку вы были больны, Климент Ефремович попросил меня информировать вас подробнее. – Заместитель наркома обороны командарм 1-го ранга Кулик подошёл к карте. – Вот, взгляните. Для финской стороны уступка территории на Карельском перешейке означает потерю всей укрепленной полосы оперативного обеспечения линии Маннергейма, которую они так упорно строили. Кроме того, они теряют весь правый фланг главной оборонительной полосы с узлами сопротивления в треугольнике Муурила – Куолемаярви – Койвисто. А это, по данным нашей разведки, того же Ярцева двадцать два железобетонных оборонительных сооружения, две стационарные береговые батареи в районе Хумалйоки. Острова Бьерке и Тиуринсаари со стационарными батареями и укреплениями береговой обороны означают для финнов потерю всей системы прикрытия правого фланга линии Маннергейма со стороны Финского залива. То, что предлагается взамен, наша территория в Карелии, это вот здесь, – Кулик показал указкой. – По стратегическому значению с указанной территорией не сравнится. Маннергейм это понимает. Кроме того, финская сторона ни при каких условиях не хочет отдавать в аренду Ханко, поскольку этот порт при господстве в Финском заливе советского Балтийского флота может стать пунктом высадки оперативного десанта в тыл всем оборонительным системам, в жизненно важный регион между Хельсинки и промышленным городом Турку. Пока что финны согласились только сместить границу на Карельском перешейке южнее выступа, образуемого пограничной рекой Сестрой на линию Хаапала – Келломяки, тем самым граница отодвигается от Ленинграда в самом близком месте. Мы тоже пошли навстречу и отказались от Койвисто и острова Тиуринсаари. Мы даже рассмотрели возможность отказа от аренды порта и полуострова Ханко и предложили взамен сдать нам в аренду несколько небольших островов к востоку. Они же и это наше предложение не приняли, согласившись лишь ещё немного отодвинуться от реки Сестры на линию Яппиля – Райвола и далее по реке Ваммельйоки до Мятсякюля. По сути, переговоры зашли в тупик, – заключил Кулик.

– Но с учётом того, что на территории Эстонии и Латвии уже развёртываются советские базы, аэродромы, береговые батареи, – произнесла Екатерина Алексеевна, – настойчивость на переговорах с финнами можно было бы и снизить. Я не специалист военного дела, но даже я вижу, что вполне можно в сложившихся условиях отказаться на Карельском перешейке от предложенной новой линии границы, с тем чтобы найти компромиссное решение. Фактически мы очевидно ставим финнов перед выбором: потеря независимости или война. И можно легко догадаться, что они выберут. Войну.

– Что вы чепуху городите? – Жданов раздражённо пожал плечами. – Кому нужен компромисс? Это всё пропагандистская болтовня. Товарищ Сталин сказал однозначно: «Нам придётся воевать с Финляндией», – и сейчас это в наших интересах. Ещё весной приходилось нянчиться с Маннергеймом и его шайкой, этими белыми недобитками, но сейчас какой смысл? Прежде главным противником была Германия, в противостоянии ей с некоторыми капризами финнов можно было смириться, а сейчас пакт заключен, Гитлер занят в Польше, к тому же у него появился ещё один противник – Англия. Как говорится, куй железо, пока горячо. По договоренностям с немцами Прибалтика и Финляндия относятся к нашим сферам влияния, так надо брать их тепленькими, пока немцы не передумали и не захотели снова взять их под свое крылышко. Молниеносная война, финны быстро поднимут лапки, товарищи из финской компартии у нас уже готовы, просоветское правительство, и вот, пожалуйста, расширение лагеря социализма, убедительная победа наших идей, что ещё нужно? Всё больше стран встаёт под наши знамёна.

– А если война будет неудачной? – спросила Екатерина Алексеевна серьёзно.

– С чего это вдруг? – Жданов недовольно поморщился. – Вы, товарищ Белозёрская, сомнения не распространяйте, – предупредил он строго. – Товарищ Берия прислал вас для совершенно конкретного дела, вот его давайте и обсудим. Спасибо, товарищ Кулик, присаживайтесь. Я тут кое-что набросал вчера на заседании Главного военного совета, – Жданов

достал из портфеля блокнот. – Товарищ Сталин изложил кратко, я записал. От нас требуется, товарищи, продумать следующие действия. Во-первых, выбрать район проведения операции. Это как раз под ответственность Лаврентия Павловича, то есть вы его здесь представляете, – Жданов кивнул, – и тебе, Григорий Иванович, – он кивнул Кулику. – Планируется изолировать выбранный район силами войск НКВД, численностью до батальона, они же будут и непосредственными исполнителями операции. К границе доставляются заключённые, переодетые в форму военнослужащих Красной армии, их расстреливают. Это представляется как обстрел с финской территории или как вылазка финского отряда на нашу территорию. Переодетые трупы будут сфотографированы, затем это будет использовано в пропагандистской работе. Это основное, – Жданов кашлянул и снова отхлебнул чая. – Дальше уже начнется наша работа. В частях Красной армии, на предприятиях, в учреждениях партийными органами будут организованы митинги, на которых граждане будут выражать возмущение провокацией финской военщины, приведшей к гибели бойцов Красной армии. Нужно будет подготовить так называемых очевидцев обстрела, этим мы тоже займемся. Напечатаем около тридцати тысяч листовок, чтобы информировать как можно более широкие слои и возбудить ненависть к агрессору. Вячеслав Михайлович Молотов, естественно, выступит по радио с нотой и перечислит все агрессивные действия Финляндии и события, которые имели место на границе. Мы ожидаем, что наши граждане будут требовать от правительства решительных действий, – заключил он. – Перед началом наступательной операции где-то часов в 6 или 7 утра по радио прочитают обращение Центрального Комитета Компартии Финляндии к трудовому народу. Это мы тоже подготовим. Параллельно будет идти формирование корпусов Народной армии Финляндии, его предполагается укомплектовать финнами и карелами, служащими в Красной армии, а также теми активистами, которые оказались на нашей территории после разгрома финских красногвардейцев в 1922 году. Это будет народная армия, которая заменит оккупационные части Красной армии после захвата территории Финляндии и послужит опорой народного правительства во главе с товарищем Куусиненом. Ну, дальше тут связь, типография, пропагандистская работа, – Жданов прошуршал листками. – Это всё важно, но не первостепенно. Первостепенно определиться с выбором места. Что скажете, товарищи? Где будем действовать? Может быть, есть возражения?

Жданов обвёл присутствующих взглядом. Все молчали.

– И сколько же «погибших красноармейцев» предполагается? – спросила наконец Белозёрская. – Восемнадцать, тридцать, сто? Таких указаний нет? Сколько человек надо расстрелять?

– От пятнадцати до двадцати пяти, – ответил Жданов, понизив голос. – А что вас не устраивает, Екатерина Алексеевна?

– А скажи-ка мне, Николай Петрович, – Белозёрская повернулась к своему заместителю, – этот нынешний главный герой рейха, как его фамилия?

– Штурмбаннфюрер Науйокс, Екатерина Алексеевна, – подсказал тот.

– Вот-вот, Науйокс, штурмбаннфюрер, – Белозёрская сделала паузу. – Он в Гляйвице 31 августа 1939 года разве не заключённых переодетых расстрелял? Перед тем как Гитлер вторгся в Польшу? Собственно, повод предоставил.

– Так точно, Екатерина Алексеевна, – доложил Симаков. – Был инсценирован захват поляками радиостанции вблизи Гляйвица, расстрелял там группу переодетых в военную форму немецких уголовников, потом их представили за убитых польских нападавших.

– Ничего не напоминает, Андрей Александрович? – Белозёрская наклонилась к Жданову. – Науйокса будем копировать? Своих мозгов нет? Не думаю, что Иосифу Виссарионовичу это понравится, когда до него дойдёт, – предупредила она.

– Да, как-то не подумали, – Жданов помрачнел, – нехорошо, нехорошо. Немцы могут использовать. Это вы правильно подметили. А что вы предлагаете, Екатерина Алексеевна?

– Что мы предлагаем, Николай Петрович? – она протянула руку, Симаков, тут же подложил ей лист с напечатанным текстом, вытащив его из папки. Не глядя в текст, Белозёрская тут же адресовала документ Жданову. – Вот, взгляните, Андрей Александрович. Предлагаем ограничиться артобстрелом своей территории с последующим возложением ответственности на финскую сторону. Использовать планируем, естественно, те артиллерийские системы, которые находятся на вооружении армии Финляндии или максимально приближены к ним по конструкции. А также снаряды, которые не обладают большим срединным отклонением, чтобы не попали, куда не надо. Например, к тем же финнам не угодили, что уж совсем некстати было бы.

– А есть у нас подходящие системы? – поинтересовался Жданов.

– Подходящих систем у нас две, – ответила Белозёрская. – Это бывшая русская 76-миллиметровая полевая пушка образца 1902 года, сейчас это полковая пушка, модернизированная в 1927 году. И батальонный миномет. У финнов он 81 миллиметр, а у нас 82 миллиметра. Но как меня заверили специалисты, решающего значения это не имеет. Мы предлагаем использовать миномет, из него можно стрелять с закрытой от зрительного наблюдения позиции, у него хорошая кучность падения мин, не разлетятся, куда попало, также преимущество – это малый вес и габариты в боевом положении.

– Хорошо укрытый миномёт трудно определить, откуда стреляет, – пояснил Кулик. – Особенно если навесным огнем с закрытой позиции. Звук выстрела у миномета сравнительно слабый, пламя выстрела небольшое, пыль и снег при выстреле не поднимаются, поскольку ствол миномета направлен вверх. Да и вес у него 61 кг всего. А полковая пушка на все 900 кг потянет. Кроме того, пушка может стрелять прямой наводкой с открытой боевой позиции, то есть её легко обнаружить с сопредельной стороны по пламени выстрела и по более сильному звуку. Ухает, будь здоров. Миномёт тише.

– Миномёт разбирается на части, – добавила Белозёрская, – и может быть доставлен к месту стрельбы в кузове грузовой машины вместе с расчетом. Кроме того, эти 82-миллиметровые минометы находятся на вооружении у нас в НКВД, в пограничных частях, так что тоже лишних участников не потребуется привлекать. А чем меньше участников, тем выше секретность.

– Это разумно, разумно, – Жданов быстро делал пометки в блокноте, видимо, для доклада Сталину. – Ну а с местом, с местом что, товарищи? Выезжали? Смотрели?

– Конечно, Андрей Александрович, – подтвердила Белозёрская. – Всё сама лично осмотрела. Вот Григорий Иванович возил, помог, – она кивнула Кулику. – Кое-что наметили.

– И что? – Жданов придвинулся ближе.

– Выбор наш, как я понимаю, обоснован целью, – продолжила Белозёрская. – А цель состоит в том, что нам нужен повод к разрыву отношений, то есть к войне. Значит, обстрел должен быть организован так, чтобы он прежде всего был замечен с финской стороны и выглядел правдоподобно по условию обстрела частей Красной армии. То есть эти части там должны дислоцироваться. Мы искали хорошо открытый для наблюдения участок территории, чтобы финские пограничники могли зафиксировать как падение снарядов, так и сам факт обстрела. Одновременно местность должна обеспечить скрытое развертывание миномета на боевой позиции и скрытое произведение выстрелов. Мы предполагаем перед обстрелом развернуть на этой территории подразделение войск НКВД для учений. Это будет отвлекающим маневром и одновременно главным смыслом всего мероприятия. Такие участки местности мы наметили в районе населенных пунктов Белоостров, Александровский, Старый Алакюль, Аккаси, Майнила. Григорий Иванович, покажи, – попросила она Кулика. – Знаешь, мне трудно.

– Конечно.

Кулик снова подошёл к карте.

– Вот здесь и здесь, – показал он Жданову, тот кивнул и сделал пометки.

– Однако Белоостров и Александровский мы сочли неподходящими, – продолжила Белозёрская, – по причине, что там довольно большая плотность населения. В районе Старого Алакуля излучина реки Сестры узким клином вдаётся в нашу территорию. Но местность с высокого берега просматривается только в одном направлении. Самый подходящий – район Майнилы, там наша погранзастава, – Кулик показал на карте. – Река огибает этот район широкой дугой с трёх сторон так, что с финского берега можно вести наблюдение сразу в нескольких направлениях. Майнила обезлюдела ещё лет десять назад, когда там начали строительство Карельского укрепрайона, и все гражданское население было удалено из 22-километровой приграничной зоны.

– Посмотрели мы так же севернее Лемболово, Андрей Александрович, – добавил Кулик. – Ну там вообще болото, лес густой, чуть не завязли. Дорог нет. Фактически ни одного открытого участка для наблюдения. Устроить там операцию с обстрелом невозможно. Екатерина Алексеевна так решила. Я её поддержал.

– И на чем остановились? Что мне доложить Иосифу Виссарионовичу? – Жданов оторвался от блокнота и внимательно посмотрел на Белозёрскую. – Майнила?

– Да, Майнила, – подтвердила она. – Этот район можно полностью изолировать. Всю большую излучину реки Сестры мы закроем проволочным заграждением, проведем его по просеке от левого берега реки примерно в двух километрах юго-восточнее Майнилы до берега реки ниже по течению примерно в полутора километрах юго-западнее селения. На пересечении просеки с шоссе Ленинград – Виипури располагается КПП НКВД, так что Майнила – это идеально подходящее место.

– Да, Майнила, – командарм Кулик кивнул, закулив папиросу. – Лучше и искать нечего.

– Что ж, так и доложу, немедленно, – Жданов встал. – Думаю, одобрят. А ты, Григорий Иванович, – приказал он Кулику, – пока позаботься, что если есть там у этой Майнилы лишние люди с нашей стороны, население какое, воинские части, если больше батальона, надо их всех отвести пока подальше, предоставить временное жилье. Как правильно сказала Екатерина Алексеевна, чем меньше свидетелей, тем лучше.

Ну, оцепление, охрана, пограничники, это все на вас, НКВД, – Жданов взглянул на Белозёрскую. – Я в это влезать не стану.

– Не сомневайтесь, Андрей Александрович, – ответила она, неотрывно глядя в окно на тающую в сумраке арку собора. – У меня от Лаврентия неограниченные полномочия. По нашей линии сбой не будет. Докладывайте спокойно.

– Что же, отлично.

Жданов вышел в соседнюю комнату. Было слышно, как он сказал телефонисту:

– Москву, пожалуйста.

И спустя минуту:

– Здравствуйтесь, товарищ Сталин.

* * *

– Дозорные первого егерского батальона, расположенного на холме Соммерико напротив селения Майнила, докладывают, что сегодня с утра можно наблюдать, как на советской территории проводятся учения пограничников, – голос генерала Ненонена в телефонной трубке звучал сухо, по-деловому. – Идёт снег, тем не менее, вполне ясно можно различить, что имеет место учеба со стрельбой из стрелкового оружия, используются ручные гранаты и взрывпакеты для имитации артиллерийского огня. Мы насчитали уже около тридцати таких взрывов на протяжении трёх часов. Сейчас к полудню разрывы стали реже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.